

УЧЕБНИК

СУДОУСТРОЙСТВО И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА

Л.В. ГОЛОВКО

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ПРАВОСУДИЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УЧЕБНИК

СУДОУСТРОЙСТВО И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Под редакцией
профессора
Л.В. ГОЛОВКО

Рекомендовано Ученым советом
Юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова в качестве учебника
для студентов, обучающихся по направлению подготовки
40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр,
магистрантов, обучающихся по направлению подготовки
40.04.01 Юриспруденция, квалификация Магистр
и аспирантов, обучающихся по направлению подготовки
40.06.01 Юриспруденция, квалификация Исследователь.
Преподаватель-исследователь

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Москва • 2020

УДК 343.13
ББК 67.7
С89

Рецензенты:

Борисова Е.А. — доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Пилюк А.В. — доктор юридических наук,
председатель Суда Ямало-Ненецкого автономного округа

Судоустройство и правоохранительные органы / Под ред.
С89 Л.В. Головки: учебник. М.: Издательский Дом «Городец»,
2020. — 768 с.

ISBN 978-5-907085-33-6

Учебник «Судоустройство и правоохранительные органы» подготовлен коллективом кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. С одной стороны, он опирается на многолетний опыт преподавания кафедрой дисциплины «Правоохранительные органы» и смежных дисциплин по разработанным и утвержденным в МГУ программам высшего образования. С другой стороны, в учебнике нашли отражение принципиально новые подходы, в том числе с учетом проводимых на кафедре научных исследований.

Рекомендуется студентам, изучающим дисциплины «Правоохранительные органы», «Судоустройство», «Судоустройство и правоохранительные органы» по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, аспирантам, докторантам, преподавателям и научным сотрудникам высших учебных заведений и научных учреждений юридического профиля, а также лицам, участвующим в законотворческом процессе, работникам судебных и правоохранительных органов, адвокатам, нотариусам, иным практикующим юристам.

УДК 343.13
ББК 67.7

ISBN 978-5-907085-33-6

© Коллектив авторов, 2020
© Издательский Дом «Городец» —
оригинал-макет, 2020

Авторский коллектив

Арутюнян Анна Аветиковна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 21 (совместно с Л.Т. Ульяновой); § 3 гл. 22; § 4 гл. 23

Атанесян Гамлет Амаякович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 1–3 гл. 23

Брусницын Леонид Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 11

Васильев Олег Леонидович, доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 2.5 гл. 5; § 1–3 и § 5–7 гл. 20; § 2 гл. 22

Ветрова Галина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 15 и 16

Головко Леонид Витальевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 1; § 3 и 5–7 гл. 2; § 2 и 3 гл. 3; гл. 6, 7 и 10; § 1 гл. 14

Ивасенко Кристина Вадимовна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 18

Ильютченко Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и

прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 4 и 8

Коновалов Сергей Геннадьевич, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 1, 2, 4 гл. 2

Михеенкова Мария Андреевна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 12 и 24

Романов Станислав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 1 и § 4–7 гл. 3; § 1, § 2.1 — 2.4, § 3–5 гл. 5; гл. 9

Ульянова Людмила Тимофеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный преподаватель МГУ — гл. 21 (совместно с А.А. Арутюнян)

Чекотков Артем Юрьевич, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 13 и 17

Чекулаев Дмитрий Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 1 гл. 22

Ястребов Владислав Борисович, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 2–9 гл. 14; гл. 19; § 4 гл. 20

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много десятилетий назад, в далеком и знаменательном для нашей страны 1945 г., известный советский ученый А.Л. Ривлин заметил, что «ни одна дисциплина в учебных планах юридических институтов не подвергается таким изменениям, как курс судостроительства»¹. С тех пор ситуация только усугубилась — многократным изменениям стало подвергаться не только место в учебном плане, но и наименование дисциплины.

Только силами профессоров и преподавателей кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова за период с того же 1945 г. были опубликованы учебники со столь разными наименованиями, как: «Судостроительство» (Д.С. Карев, 1948); «Организация суда и прокуратуры в СССР» (Д.С. Карев, 1954; под ред. Д.С. Карева, 1961); «Суд и правосудие в СССР» (под ред. Б.А. Галкина, 1981); «Правоохранительные органы» (К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев).

Последний из названных учебников следует выделить особо. Первое его издание увидело свет в 1995 г., а завершающее десятое, принадлежащее перу уже одного К.Ф. Гуценко (М.А. Ковалев скончался в 2008 г.), — в 2013 г. (год смерти второго автора). На протяжении двух постсоветских десятилетий учебник К.Ф. Гуценко и М.А. Ковалева «Правоохранительные органы» служил базовым доктринальным источником по дисциплине, которая когда-то называлась «Судостроительством», а затем имела еще несколько промежуточных наименований. Пожалуй, не в последнюю очередь благодаря этому учебнику понятие «правоохранительные органы» стало в юридической науке и практике общепринятым, хотя его объем и содержание устоявшимися признать по-прежнему трудно.

С чем связана такая нестабильность? С одной стороны, специалисты всегда понимали, что речь идет о классической правовой дисциплине, без тщательного изучения и научного развития

¹ Ривлин А. Преподавание судостроительства в юридических институтах // Социалистическая законность. 1945. № 7. С. 17.

которой не может обойтись ни одна уважающая себя правовая система. Как отметил еще до войны тот же профессор А.Л. Ривлин, «нет решительно никаких оснований» видеть в ней только некий вводный курс ознакомительного характера¹. Невзирая на все терминологические и организационные пертурбации, иногда встречающуюся недооценку данного курса, место его в преподавании и науке не только оставалось и остается в целом неизблемым, но с течением времени и развитием правовой системы приобретает всё новые смыслы.

С другой стороны, растянувшиеся на десятилетия поиски оптимального наименования отражают нерв ключевой проблемы: соотношение классического понятия «судоустройство» с относительно новым понятием «правоохранительные органы». Вектор развития сегодня, словно маятник, колеблется между двумя фундаментальными концепциями. Согласно *первой* из них, *судоустройство поглощает правоохранительные органы*, поскольку речь идет только о тех правоохранительных органах, чья деятельность имеет процессуальную природу: они действуют для суда и под контролем суда, т.е., иначе говоря, ради осуществления правосудия, в силу чего и являются в широком смысле «судебными». В такой ситуации понятие *судоустройства* — наиболее полное и точное для обозначения дисциплины в целом. Согласно *второй* концепции, напротив, *правоохранительные органы поглощают судоустройство*, поскольку суд является одним из правоохранительных органов, причем центральным: кто, как не суд, осуществляет охрану права в объективном (правопорядок) и субъективном (права лиц) смыслах? При таком подходе наиболее полным и точным для обозначения всей дисциплины становится уже понятие *правоохранительных органов*.

Пока будут продолжаться теоретические споры по данному поводу, нестабильным останется и наименование дисциплины, что сразу почувствовали члены авторского коллектива данного учебника, как только приступили на одном из заседаний кафедры к обсуждению его названия. Не станем скрывать — мнения здесь разделились, причем именно по вопросу о том, является ли суд правоохранительным органом или, напротив, все право-

¹ Ривлин А.Л. Преподавание курса судоустройства в юридических институтах // Советская юстиция. 1940. № 2. С. 13.

охранительные органы — «судебные» в том смысле, что действуют только ради правосудия. Следовательно, неизбежно разделились и мнения об оптимальном наименовании учебника, а вместе с ним в перспективе и всей дисциплины.

В связи с этим предложенное наименование «Судоустройство и правоохранительные органы» выглядит в значительной мере компромиссным, позволяя развивать обе точки зрения. Иначе говоря, цель его не в том, чтобы раз и навсегда преодолеть сложный теоретический спор (это волевым решением невозможно), а совершенно в другом — в решении двух скорее методологических, но очень важных задач: 1) не выхолащивать классическую для отечественного (и не только для отечественного) правоведения категорию судоустройства; 2) сохранить теоретический и практический потенциал разрабатывавшегося в последние десятилетия, в том числе усилиями нашей кафедры, понятия «правоохранительные органы».

Представляется, что предложенное наименование позволит решить обе задачи, оставляя поле для дальнейших дискуссий о соотношении двух своих элементов (судоустройство и правоохранительные органы). Такого рода дискуссии не только не мешают, но скорее способствуют глубокому аналитическому изучению дисциплины, которая при любых подходах к наименованию отражает один из фундаментальных элементов системы права и остается важнейшей частью правоведения как науки.

Л.В. Головки

Глава 1

ПРЕДМЕТ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИСЦИПЛИНЫ: «СУДОУСТРОЙСТВО» И «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ»

Литература

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912 (перезд.: 1996); Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I: Судостройство. 4-е изд. СПб., 1913 (перезд.: М., 2008); Карев Д.С. Судостройство. М., 1948; Суд и правоохранительные органы / Отв. ред. Ю.К. Орлов. М., 2006; Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. 9-е изд. М., 2009 (и др. изд.); Суд и государство / Под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. М., 2018.

§ 1. Судостройство и судопроизводство. Понятие судостройства и его эволюция

Понятие *судостройства* является классическим для отечественного правоведения. Его принято отличать от другого классического понятия, упоминаемого в том числе в Конституции РФ (ч. 2 ст. 118), — *судопроизводства*. Судебная природа этих понятий сомнений не вызывает, т.е. оба они связаны с судебной деятельностью. Но если первое из них, указывающее на «устройство судов», отсылает к проблемам организации судов как институциональной совокупности (судебной системы), судов как отдельно взятых учреждений и статуса тех лиц, которые отправляют в них правосудие (статус судей), то второе подразумевает «производство в судах», т.е. определяет регулирование сугубо процессуальных вопросов. Иначе говоря, понятие судостройства является *организационным*, а понятие судопроизводства — *процессуальным*. Можно еще добавить, что судостройство регулирует *статическую* судебную деятельность (суд остается судом, а судья судьей, независимо от того, слушается в том или ином суде дело или не слушается, подал гражданин в суд иск или не подал и т.п.), тогда как судопроизводство регулирует ее *динамику* (то или иное дело рассматривается, по нему происходят сменяющие друг друга

процессуальные действия, принимаются решения и т.п.). В этом смысле, рассуждая совсем простыми словами, когда мы входим в здание суда и проходим мимо кабинетов, где указаны названия подразделений суда, фамилии судей и т.п., то сталкиваемся с судоустройством. Когда же попадаем в зал судебных заседаний и видим, как слушается гражданское или уголовное дело, слышим выступления свидетелей, обращение судьи к участникам процесса и т.д., то сталкиваемся уже с судопроизводством.

При изучении данного курса нас, разумеется, прежде всего интересует понятие судоустройства — судопроизводство изучают в рамках процессуальных дисциплин (уголовного процесса, гражданского процесса и др.). Но в каких-то случаях нельзя обойтись и без понятия судопроизводства, пусть, конечно, и в самом общем плане. С одной стороны, усвоить оба этих понятия можно лишь противопоставляя их друг другу, т.е. надо четко понимать разницу между судоустройством и судопроизводством. С другой стороны, эти понятия неразрывно между собой связаны. В приведенном примере, когда мы наблюдаем конкретный процесс в зале суда (т.е. судопроизводство), никуда не исчезает и судоустройство, ведь отправляющий правосудие судья должен обладать надлежащим судейским статусом, процесс проходит в стенах созданного на основании судоустройственного законодательства районного, областного или, например, арбитражного суда и т.п.

Становление понятия судоустройства в отечественной правовой традиции связано с достижениями Судебной реформы 1864 г. Как известно, одним из четырех кодифицированных актов (Уставов), принятых в ходе той реформы, стало Учреждение судебных установлений¹. Его разработке и утверждению предшествовал другой правовой акт концептуального характера, где содержались наиболее принципиальные положения, которые должно было содержать будущее Учреждение. Назывался этот акт — *Основные положения судоустройства*². С этого момента термин «судоустройство» можно считать окончательно сложившимся. Соответствующее законодательство, кодифицированное, в частности, в Учреждении судебных установлений, стало именоваться *судоустройственным*.

¹ См. подробнее § 2 главы 2 настоящего учебника.

² Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3: Учреждение судебных установлений. СПб., 1866. С. I.

В то же время на понятийно-институциональном уровне четкая грань между судоустройством и судопроизводством проведена еще не была. Первое считалось скорее частью второго, нежели автономной правовой категорией. Так, выдающийся специалист по уголовному процессу того времени И.Я. Фойницкий писал в своем классическом курсе: «Судопроизводство, как юридически установленный порядок судебного разбора, слагается из двух главных понятий: во-первых, понятия о суде и сторонах, и во-вторых, понятия о самом порядке судебного разбора. Отсюда и основное деление уголовного судопроизводства на *судоустройство*, или, правильнее, учение о судебных установлениях, или об органах уголовного процесса, и судопроизводство в тесном смысле»¹. В учебно-академическом плане это приводило к тому, что вопросы судоустройства рассматривались в качестве первой части соответствующих процессуальных дисциплин: уголовного судопроизводства (первый том двухтомного курса И.Я. Фойницкого и др.), гражданского судопроизводства². Самостоятельной дисциплины «Судоустройство» или подобной ей еще не существовало.

Надо признать, что подобный подход, когда вопросы судоустройства входят в состав соответствующих процессуальных дисциплин (в качестве их своего рода первой части) до сих пор весьма распространен на Западе, в частности, в странах континентальной Европы. Так, например, в Швейцарии уголовный процесс рассматривается в качестве «совокупности норм, определяющих *организацию* (выделено нами. — Л.Г.), компетенцию и деятельность соответствующих судебных органов, участвующих в реагировании на совершенные преступления...»³ Соответственно, входящие в Швейцарии в состав уголовно-процессуального права «организационные нормы учреждают и регламентируют органы, уполномоченные отправлять правосудие по уголовным делам; данные нормы содержатся в законах об организации судов»⁴. Тем самым швейцарский подход пересекается с рос-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912. С. 155.

² См., например: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 4-е изд. СПб., 1907. С. 28–113.

³ Piquerez G., Macaluso A. Procédure pénale suisse. 3 éd., Genève; Zurich; Bâle, 2011. P. 4.

⁴ Ibid. P. 8.

сийским дореволюционным. Встречается он и в других странах, например, во Франции, где курсы уголовного процесса и других процессуальных дисциплин по традиции также включают рассмотрение сугубо судоустройственных вопросов¹. В то же время в этих странах понимание различий между судоустройством и процессом в тесном смысле (судопроизводством), а также определенная неустойчивость терминологии (отсутствие четкого термина, аналогичного российскому «судоустройству»), приводят к разработке автономных дисциплин, которые, как правило, преподаются на первых курсах юридических факультетов университетов и носят разнообразные наименования, чаще всего «Судебные институты», «Судебные и юрисдикционные институты» и т.п.² При этом не совсем внятная теоретическая концептуализация данных дисциплин, их нечеткое отделение от традиционных процессуальных отраслей права и т.д. вызывают неудовлетворенность у самих авторов соответствующих курсов, ищущих адекватные понятийные рамки для автономного анализа судоустройственных вопросов, предлагающих обозначать их в виде «общего процессуального права», «фундаментального процессуального права» и др.³

В этом смысле, учитывая непростой характер проблемы, что видно в том числе на примере западных стран, нельзя недооценивать полную автономизацию судоустройства как юридической науки и учебной дисциплины, которая произошла в нашей стране в 1920-е годы, когда судоустройство окончательно отделилось от соответствующих процессуальных дисциплин. Именно тогда появились специальные научные и учебные труды по судоустройству⁴. Каковы бы ни были в то время идеологические истоки данной автономизации (молодая советская власть, несомненно, нуждалась в специальной легитимации новых судов, уделяя этому особое внимание) и характер самих этих трудов, надо признать, также весьма идеологизированный, сам по себе факт размежевания судоустройства и судопроизводства принес

¹ См., например: *Pradel J. Procédure pénale. 15 éd., Paris. 2010. P. 37–163.*

² См., например: *Vincent J., Guinchard S., Montagnier G., Varinard A. Institutions judiciaires. Organisation. Juridictions. Gens de justice. 6 éd. Paris, 2001.*

³ *Ibid. P. 4.*

⁴ См., например: *Крыленко Н.В. Судоустройство в РСФСР (лекции по теории и истории судоустройства). М., 1923; Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. М., 1924.*

в теоретическом смысле обоим немалую пользу. С одной стороны, процессуальные дисциплины, выведя за скобки проблемы судоустройства, смогли сосредоточиться на собственно процессуальных вопросах, что дало толчок развитию наук уголовного процесса, гражданского процесса и др. С другой стороны, наука судоустройства начала развивать собственную теорию. Помимо того, старый подход приводил к неизбежным повторам: поскольку организация судов чаще всего едина по уголовным и гражданским делам, многие вопросы просто-напросто дублировались, одновременно рассматриваясь в рамках как гражданского, так и уголовного судопроизводства. Наконец, обособление науки судоустройства от процессуальных дисциплин позволило посмотреть на организацию судов комплексно, безотносительно к специфике того или иного вида судопроизводства.

При этом было бы неверно считать, что именно в тот период (1920-е годы) наука судоустройства достигла своей теоретической вершины. Разумеется, нет. Этого и не могло быть, учитывая непростой период, который тогда переживала наша страна. Речь скорее идет о том, что на академическом и юридическом уровнях была окончательно сформирована новая правовая «матрица», важная сама по себе и позволяющая наполнять ее новым содержанием в зависимости от развития науки и законодательства.

Таким образом, исторический анализ показывает, что понятие судоустройства, выработанное в ходе Судебной реформы 1864 г., постепенно развивалось в рамках процессуальных дисциплин, чтобы окончательно обособиться от них уже в новых политических условиях (вскоре после Октября 1917 г.), сформировав не только отдельную сферу законодательства (это произошло еще в XIX в.), но и юридическую научную и учебную дисциплину. Такая степень автономии, подкрепленная серьезной доктринальной обработкой, вскоре позволила заговорить о том, что «термин “судоустройство” применяется для обозначения *особой отрасли права*, то есть для обозначения совокупности всех правовых норм, регулирующих построение судебных органов, их задачи и основные принципы деятельности»¹. Не случайно, что именно понятие судоустройства было положено в основу фундаментального законодательного акта — Закона РСФСР

¹ Карев Д.С. Судоустройство. М., 1948. С. 5.

«О судоустройстве РСФСР» от 8 июля 1981 г., на долгие годы определившего организацию российской судебной системы, в том числе в постсоветский период.

Впрочем, это произошло уже впоследствии. А до того понятию судоустройства пришлось примерно в 1950-е годы столкнуться с фундаментальной теоретической проблемой, в результате которой оно потеряло статус не только самостоятельной отрасли права, но и научной, и учебной дисциплины, хотя законодательство, как мы видим, продолжало его использовать.

Рассмотрим более внимательно эту проблему, в свое время резко изменившую вектор развития науки о судоустройстве, тем более что она продолжает оставаться актуальной и сегодня.

§ 2. Судоустройство в узком и судоустройство в широком (теория полноты судебной власти) смыслах

С одной стороны, если буквально понимать понятие судоустройства, то ясно, что оно должно иметь отношение только к судам: организации судебной системы, отдельных ее звеньев, статусу судей и т.д. Иначе говоря, *в узком смысле* судоустройство представляет собой только «устройство судов» и ничего более.

С другой стороны, организационное построение любой процессуальной системы (в ее «статике») предполагает решение вопроса об организации (устройстве) не одного лишь суда, но и иных органов, участвующих в том или ином процессе. Это особенно характерно для уголовного процесса (судопроизводства), где наряду с судом действуют прокуратура, адвокатура, органы следствия, дознания и т.д. Но и гражданский или арбитражный процессы немислимы ни без адвокатуры, ни без прокуратуры (по крайней мере, по определенным категориям дел).

Получается, что категория «судоустройство», если рассматривать ее в непосредственном (узком) смысле, не охватывает всех тех вопросов и проблем, которые ранее изучались и иногда на Западе продолжают изучаться в первых частях соответствующих процессуальных дисциплин, прежде всего потому, что не охватывает организацию прокуратуры, адвокатуры, следствия, дознания, полиции и др., без которых обойтись нельзя. Именно это стало основным аргументом, выдвинутым в нашей стране в ходе дискуссий 1950-х годов, на основании которого «судоустрой-

ство» потеряло статус не только отрасли права, но и научной, и учебной дисциплины¹.

В то же время отказ от «судоустройства» объяснялся не только объективными теоретическими трудностями, но и некоторыми субъективными обстоятельствами, связанными с определенным забвением так называемой теории *полноты судебной власти*. Во-первых, эта теория активно развивалась в дореволюционной российской доктрине, чье влияние на советское правоведение было еще велико в 1920-е или даже 1940-е годы, но с каждым новым десятилетием не могло не уменьшаться. Во-вторых, советское правоведение отрицало теорию разделения властей, отказывалось видеть в судах самостоятельную власть, что естественным образом лишало фундаментальной концептуальной базы и идею «полноты судебной власти».

В то же время именно теория полноты судебной власти позволяет в теоретическом плане объяснить, почему организация прокуратуры, адвокатуры или даже полиции (когда она выступает органом дознания) также является полноценной частью судоустройства, понимаемого не в строго этимологическом (узком), но более концептуально *широком смысле*. Строго говоря, данная теория позволяет объяснить понятие не только судоустройства, но и судопроизводства. Иначе весьма трудно понять, почему, например, деятельность следователя Следственного комитета или дознавателя МВД, не имеющая, казалось бы, прямого отношения к судам и не связанная с *производством в суде*, тем не менее считается в российском уголовном процессе полноценным судопроизводством (п. 56 ст. 5 УПК РФ), почему следователь или дознаватель назначают *судебные* экспертизы (ст. 195 УПК РФ) и т.д.

Суть такой теории, которая в свое время активно развивалась в дореволюционном российском правоведении², сводится к тому, что правосудие по уголовным и нередко по гражданским делам невозможно не только без судебной деятельности в тесном смысле, осуществляемой самим судом, но и без расследования, обвинения, защиты, юридической помощи сторонам, представ-

¹ Об этих дискуссиях см. § 5 главы 2 настоящего учебника.

² См. об этом: Романов С.В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М., 2014. С. 177.

ления в процессе публичных интересов и т.п., т.е. тех функций, которые реализуются другими органами или учреждениями (прокуратурой, адвокатурой, следственными подразделениями и т.п.). Однако все эти органы и учреждения, выполняя различные задачи и нередко даже сталкиваясь между собой в ходе судебного процесса (например, прокуратура и адвокатура), все равно действуют *под контролем суда и для суда*, действуют в *интересах правосудия*. Иначе говоря, без суда их деятельность теряет не только смысл, но и в каком-то роде легитимность. В связи с этим «такие органы и учреждения, как полиция, прокуратура, адвокатура и др., не будучи частью судебной власти в *институциональном* (организационном) смысле, выполняют процессуальные функции, без которых осуществление правосудия оказывается невозможным, т.е. становятся частью судебной власти в *функциональном* смысле»¹.

При таком подходе становятся понятны выражения «судебная полиция» или «судебная адвокатура», которые нередко встречаются в западном, да и в нашем правоведении. Речь, конечно, не идет о принадлежности чинов полицейского ведомства судам: они как принадлежали, так и принадлежат МВД. Имеется в виду то, что как только полиция начинает производство дознания, ее деятельность становится *процессуальной*, приводит к появлению *доказательств*, а любая процессуальная деятельность «судебна» в том смысле, что направлена на достижение задач правосудия, т.е. производится в конечном итоге для суда и под контролем суда.

При таком подходе становится также понятно, почему прокуратура во многих странах континентальной Европы (Франции, Бельгии, отчасти Германии и др.) считается частью судебной власти в широком смысле. Например, в соответствии с многочисленными решениями Конституционного совета Франции (от 5 августа 1993 г., от 11 августа 1993 г. и др.) упоминаемые в ст. 64–66 Конституции Франции «судебные органы» включают не только судей, но и прокуроров (и те и другие входят в состав так называемой магистратуры).

Если опираться на теорию полноты судебной власти, то понятия судоустройства и судопроизводства становятся значительно

¹ Романов С.В. Уголовный процесс и правосудие: полнота судебной власти // Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 42.

более широкими. В частности, судоустройство должно включать организацию не только судов, но и тех органов (учреждений), которые суду способствуют и без участия которых правосудие осуществляться не может: прокуратуры, адвокатуры, органов следствия и др. В такой ситуации понятие судоустройства приобретает те пределы, которые необходимы для изучения «статики» всех видов процесса (судопроизводства) — уголовного, гражданского, арбитражного, административного, т.е. для изучения организации органов и учреждений, участвующих в том или ином процессе либо по долгу службы (прокуратура, органы следствия и др.), либо в силу профессиональных обязанностей (адвокатура). При этом центральная роль суда не позволяет понятию судоустройства и слишком широко разрастаться. Существует немало органов и учреждений, выполняющих весьма важные функции в плане обеспечения физической безопасности населения, поддержания правопорядка и т.п. (отдельные структуры МВД, Росгвардия, ФСО, даже Министерство обороны), однако их деятельность не обладает процессуальной природой, не направлена на достижение задач правосудия, не является необходимой для осуществления последнего. В связи с этим организация данных органов и учреждений не имеет никакого отношения к судоустройству даже в том случае, когда мы понимаем последнее широко.

В то же время теория полноты судебной власти, как мы убедились, не получила и не могла получить развития в советский период отечественной истории. По этой причине, начав в первые десятилетия развивать судоустройство как автономную дисциплину (даже отрасль права) и отделив его от процессуальных отраслей, советская доктрина еще какое-то время рассматривала судоустройство достаточно широко¹, но быстро исчерпала теоретический потенциал для такого видения. Судоустройство стало трактоваться узко, исключительно как организация судов. Для восстановления возможности более широкого взгляда на совокупность органов и учреждений, действующих для суда и имеющих процессуальные полномочия, потребовались иные

¹ См.: *Карев Д.С.* Судоустройство. М., 1948. Здесь наряду с судами рассматриваются также организация и функции органов Министерства юстиции, прокуратуры, адвокатуры и др., поскольку речь идет об «органах, помогающих суду в осуществлении правосудия» (с. 7).

теоретические основания, иной теоретический подход. Таким стала доктрина «правоохранительных органов», разработанная на излете советской эпохи и приобретшая большое доктринальное влияние в постсоветский период.

§ 3. Понятие правоохранительной деятельности и правоохранительных органов: их становление и эволюция

Отказавшись в 1950-е годы от широкой трактовки понятия судоустройства, советская доктрина примерно в течение 30 лет находилась в поисках нового теоретического основания для объяснения феномена «статики процессов» (организации органов, участвующих *ex officio* в процессуальной деятельности), что отражалось в том числе на колебаниях по поводу наименования соответствующей научной и учебной дисциплины¹. Выход был найден в разработках советской теории государства и права, надо признать, действительно весьма глубоких.

Во-первых, советская теория государства и права выработала понятие *правоохранительной деятельности* как одной из основных видов деятельности государства (наряду с правотворческой, правоисполнительной и др.)². Во-вторых, немного под другим углом зрения она одновременно предложила идею «охранительного правоотношения», порожденного правонарушением и связанного с привлечением к ответственности совершившего его лица «компетентными органами и лицами»³.

Соединение этих двух идей привело к появлению двух ключевых понятий: *правоохранительной деятельности* и *правоохранительных органов*. Именно эти понятия, окончательно сформировавшись к середине 1980-х годов и став в советском правоведении общепризнанными, были использованы для обозначения того, что ранее именовалось судоустройством в широком смысле. Иначе говоря, на смену теории судоустройства пришла теория правоохранительных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность.

¹ См. об этом подробнее § 5 главы 2 настоящего учебника.

² См., например: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 73.

³ *Самощенко И.С., Фарушкин М.К.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 67.

Наиболее серьезная концептуализация данной теории, повлиявшая на развитие соответствующих направлений российской юридической науки, была сделана в появившемся уже в постсоветский период и выдержавшем около десятка изданий учебнике К.Ф. Гуценко и М.А. Ковалева «Правоохранительные органы». В этом издании авторы сформулировали не только понятие правоохранительной деятельности (выстроив его вокруг идеи «охраны права»), но и ее признаки, а также выделили основные направления правоохранительной деятельности, показав, какие органы занимаются каждым из них.

В соответствии с концепцией К.Ф. Гуценко и М.А. Ковалева к числу признаков правоохранительной деятельности, отделяющих ее от иных видов государственной деятельности, следует относить: а) возможность охраны права с помощью применения исключительно *юридических мер воздействия*; б) строгое соответствие применяемых мер воздействия *предписаниям закона*; в) осуществление правоохранительной деятельности исключительно с соблюдением *определенных процедур*, установленных законом; г) реализация правоохранительной деятельности исключительно *специально уполномоченными государственными органами*.

Выделение признаков правоохранительной деятельности позволило дать и ее общее определение как *«такой государственной деятельности, которая осуществляется с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка»*¹. Следовательно, упомянутые в этом определении уполномоченные органы и относятся к числу правоохранительных.

Сама правоохранительная деятельность распадается на **шесть** основных направлений (функций)²:

- 1) конституционный контроль;
- 2) правосудие;
- 3) организационное обеспечение деятельности судов;
- 4) прокурорский надзор;
- 5) выявление и расследование преступлений;
- 6) оказание юридической помощи.

¹ Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. 9-е изд. М., 2009. С. 5 (и другие издания).

² Там же. С. 8.

Каждая из указанных функций возложена на один или несколько правоохранительных органов. Правосудие — на суды, прокурорский надзор — на прокуратуру, оказание юридической помощи — на адвокатуру (и в определенных ситуациях на некоторые другие органы) и т.п.

Теория правоохранительных органов заняла прочное место в российском правоведении. Ее ценность и значение несомненны. Однако возникли две проблемы, которые не только не позволили поставить точку в дискуссиях о наименовании и природе соответствующей дисциплины (сама по себе ее необходимость бесспорна), но и вызвали их новый виток.

Во-первых, при буквальном понимании предложенного ранее определения правоохранительной деятельности круг правоохранительных органов становится чрезмерно широким.

К правоохранительным при желании можно отнести и бесчисленные контролирующие административные органы, имеющие право накладывать юридические санкции (штрафы, отзовы лицензий и т.п.), ведь они также действуют на основании закона и в строгом соответствии с установленными процедурами, и органы, обеспечивающие физическую безопасность, поскольку они также иногда приобретают полномочия по предотвращению противоправной деятельности, контролю документов, задержанию и т.д. (опять-таки в соответствии с законом и процедурами), и некоторые другие. К.Ф. Гущенко и М.А. Ковалев «сдерживали» столь широкое толкование за счет выделения только шести направлений правоохранительной деятельности, в большинстве своем имеющих процессуальную природу, однако такое «сдерживание» являлось в большей мере данью традиции (идушей от теории судоустройства), нежели результатом наложения на тот или иной вид государственной деятельности выделяемых признаков деятельности правоохранительной. Кроме того, другие авторы часто поступали иначе, в силу чего круг правоохранительных органов имел неуклонную тенденцию к расширению, в теоретическом смысле становился почти безграничен, а в каких-то случаях полностью терял связь с судопроизводством.

Таким образом, в литературе неизбежно заговорили о необходимости двух пониманий правоохранительной деятельности: а) *правоохранительной деятельности в широком смысле*, так как «каждый орган государства так или иначе занимается право-

охранительной деятельностью в пределах своей компетенции, т.е. системы полномочий, прав и обязанностей, вытекающих непосредственно из его нормативной основы»¹; б) *правоохранительной деятельности в узком смысле* как «специализированной деятельности по правовой охране... общественных отношений», которую осуществляют «органы милиции, суда, прокуратуры»².

Иначе говоря, если понятие *судоустройства* в свое время стало слишком узким, то понятие *правоохранительных органов*, напротив, — слишком широким. Следовательно, для достижения цели изучения «статике» всех видов процесса (*устройство* и *персональный состав* соответствующих органов) приходилось первое из них *расширять* (*судоустройство* в широком смысле), а второе — *сужать* (*правоохранительные органы* в узком смысле). Но если операция по расширению в качестве теоретического основания имела вполне классическую доктрину полноты судебной власти, то каковы теоретические основания сужения понятия *правоохранительных органов*? Опять *судопроизводство* (*процессуальный характер*), *суд*, его *полнота* и т.п.? Но тогда мы приходим к тому же самому.

Во-вторых, если центральное место суда в системе *судоустройства* очевидно не только концептуально, но и терминологически (этимологически), то объяснить, почему суд занимает центральное место в системе *правоохранительных органов*, оказалось несколько сложнее, ведь ни сам термин, ни выделяемые признаки *правоохранительной деятельности* нигде не указывают, что речь идет о деятельности преимущественно *судебной*.

Более того, многие авторы стали воспринимать понятие *правоохранительных органов* буквально (как органов по *физической* защите правопорядка), ставя тем самым знак равенства между *правоохранительными органами* и органами, осуществляющими борьбу с преступностью (или с правонарушениями в более широком плане). Возникла известная дискуссия о том, относится ли суд к числу *правоохранительных органов*, которая не прекращается и сегодня. Эту дискуссию следует рассмотреть подробнее.

¹ Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). М., 1991. С. 31.

² Там же. С. 32–33.

§ 4. Дискуссия о месте суда в системе правоохранительных органов

В период становления теории правоохранительных органов, пришедшей на смену теории судоустройства, центральное место суда в системе правоохранительных органов выглядело бесспорным. Более того, без суда сама идея «правоохранительных органов» казалась бессмысленной, поскольку концептуальный поиск шел как раз по линии того, чтобы найти адекватное понятие, позволяющее объяснить, почему *наряду с судом* в рамках данной дисциплины должны рассматриваться также прокуратура, адвокатура, органы расследования и т.п. Строго говоря, для этого и выбиралось соответствующее понятие, которое должно было быть достаточно широким. Однако парадокс заключается в том, что широта понятия не только не решила проблему, но, напротив, привела к отрицанию некоторыми авторами самой возможности рассматривать суд, т.е. центральный элемент интересующей нас процессуальной системы — судопроизводства (в его статическом положении), в качестве одного из правоохранительных органов.

Если резюмировать доводы сторонников точки зрения о том, что суд не является правоохранительным органом, то они сводятся к следующему: «... современное законодательство не возлагает на суд обязанность борьбы с правонарушениями. Суд — орган правосудия, он лишь разрешает спор между истцом и ответчиком по гражданским делам или между сторонами обвинения и защиты — по уголовным. Суд не может выполнять какие-либо обвинительные функции и вести уголовное преследование. Никакой ответственности за состояние законности и правопорядка он не несет»¹.

Аргументы сторонников противоположной точки зрения, в соответствии с которой суд является не просто правоохранительным органом, но *основным* правоохранительным органом, также выглядят более чем убедительно. Во-первых, отнесение того или иного органа к числу правоохранительных вовсе не означает посягательство на его независимость, так как между правоохранительными органами нет иерархического соподчинения. Во-вторых, суд нельзя исключать из числа государ-

¹ Суд и правоохранительные органы / Отв. ред. Ю.К. Орлов. М., 2006. С. 14.

ственных органов, охраняющих право; напротив, на него такая функция возложена в наибольшей степени, в силу чего он находится на вершине пирамиды всех правоохранительных органов. В-третьих, правоохранительную деятельность нельзя понимать упрощенно, только как деятельность по борьбе с преступностью, охране порядка в общественных местах и т.п. В-четвертых, даже если исходить из концепции борьбы с преступностью, то суд из нее не может быть исключен, так как именно он уполномочен назначать наказания за преступления, в том числе весьма суровые¹.

Ясно, что данная дискуссия есть спор не столько по существу полномочий суда или его места в правовой системе, сколько об объеме и содержании соответствующих понятий, прежде всего понятия «правоохранительные органы». Если мы исходим из того, что «правоохранительные органы» — это современное звучание старого понятия *судоустройства*, то без суда здесь по понятным причинам никак обойтись нельзя. Если приходим к выводу, что понятие правоохранительных органов должно ограничиваться только органами поддержания общественного порядка, органами уголовного преследования и т.п., то суд к ним, разумеется, не относится и относиться не может. Объем понятия и его функциональная нагрузка и определяют наш ответ на вопрос о том, входит суд в число правоохранительных органов или не входит. При таком отношении сам вопрос теряет свою остроту.

Но дискуссия важна нам еще и по другим причинам. С одной стороны, интересно, что в приведенных аргументах сторонников отнесения суда к числу правоохранительных органов нигде не звучат отсылки к теории *судоустройства*, концепции полноты судебной власти, *процессуальному* характеру деятельности того или иного органа в рамках одного из видов *судопроизводства* и т.п. Иначе говоря, аргументы строятся только на основании теории правоохранительных органов как самодостаточной теории, без указания на ее служебную и обусловленную терминологическими обстоятельствами роль. При этом само содержание дисциплины либо остается *судоустройственным*, либо становится чрезмерно широким.

С другой стороны, адепты противоположного научного подхода, чрезмерно сузив понятие правоохранительных органов,

¹ См.: *Гуценко К.Ф., Ковалев М.А.* Указ. соч. С. 15–18.

сведя его исключительно к органам борьбы с правонарушениями и исключив из него не только суд, но и адвокатуру, выглядят не более последовательно, поскольку продолжают рассматривать, допустим, организацию адвокатуры в рамках дисциплины, в которую по их собственной концепции она не входит (не является правоохранительным органом)¹. Иначе говоря, начав развивать понятие правоохранительных органов не только за счет сложения (увеличения), но и за счет вычитания (сокращения), они немедленно оказались в той же самой ситуации, что и их предшественники в период сужения теории судоустройства: здравый смысл требует одновременного рассмотрения суда, прокуратуры, адвокатуры, поскольку без них судопроизводства не бывает, а собственное же толкование термина (узкое) приводит к необходимости исключения из анализа некоторых из этих органов (учреждений).

Как бы то ни было, дискуссия о месте суда в системе правоохранительных органов (находится он внутри системы или вне ее) показала пределы самостоятельного развития самой концепции правоохранительных органов, т.е. такого ее развития, когда она опирается исключительно на тот научный аппарат (сам по себе весьма ценный), который был выработан в нашей стране в 1950–1980 гг. Более того, гипотетическая возможность исключения суда из числа правоохранительных органов, даже если исходить из того, что разделяется она не всеми и имеет далеко не бесспорный характер, заметно редуцирует концепцию правоохранительных органов. Получается, что понятие, призванное в свое время встать на место понятия судоустройства, рискует при таком развитии событий вовсе оставить нас без суда, его устройства и связанных с ним проблем.

§ 5. Вектор развития дисциплины: судоустройство или правоохранительные органы? Критерий решения проблемы

В теоретическом смысле понятие судоустройства является самодостаточным. Но при одном условии: если оно опирается на концепцию полноты судебной власти, позволяющую рассматривать устройство не только судов, но и тех органов (учреждений),

¹ Суд и правоохранительные органы / Отв. ред. Ю.К. Орлов. С. 15, 415.

без которых осуществление правосудия невозможно, т.е. прокуратуры, адвокатуры, органов расследования (для уголовного процесса) и др. Следовательно, именно *признание или отрицание концепции полноты судебной власти* является тем критерием, который дает возможность ответить на вопрос, достаточно или нет одного понятия *судоустройства* для обозначения всех тех вопросов, которые должны обсуждаться в рамках данной дисциплины. Другими словами, чем в большей степени вектор развития российской правовой системы будет направлен на обеспечение полноты судебной власти¹ (как в теоретическом, так и в практическом смысле), тем меньше останется препятствий для восстановления в правах традиционного понимания судоустройства как достаточно широкой категории, охватывающей деятельность не только судов, но и других органов, способствующих отправлению правосудия.

В то же время нельзя не признать, что концепция полноты судебной власти сегодня разделяется далеко не всеми, не говоря уже о том, что Россия, в отличие от многих других европейских правовых порядков, исторически не рассматривает, например, прокуратуру как элемент судебной власти в рамках единого корпуса магистратуры, состоящей из судей и прокуроров². Кроме того, в наши дни невозможно изучать вопросы организации правосудия без учета деятельности разнообразных наднациональных структур (ЕСПЧ, международные арбитражи и др.), которые процессуально связаны с национальной системой правосудия, но чья деятельность вряд ли может быть теоретически обоснована концепцией «полноты судебной власти».

В связи с этим нельзя отказываться и от более узкого понятия судоустройства, ограниченного исключительно организацией (устройством) судов. Если основываться на нем, то возникает потребность в *дополнительном (субсидиарном)* понятии, которое охватывало бы другие органы, способствующие отправлению правосудия. Иначе говоря, при таком векторе развития понятия

¹ См. об этом: Романов С.В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М., 2014. С. 188–189.

² См. об этом подробнее: Суд и государство / Под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. М., 2018. С. 125, 134.

судоустройства, его толкования и понимания, оно перестает быть самодостаточным. В данном случае требуется уже более широкий понятийный ряд.

Оптимальным субсидиарным понятием, дополняющим понятие судоустройства при ограничительном (узком) толковании последнего, является понятие правоохранительных органов. Попытки сконструировать из понятий правоохранительных органов и правоохранительной деятельности самодостаточные понятия, способные полностью заменить понятие судоустройства, привели к уже отмеченным ранее трудностям: они оказались еще менее определенными, нежели понятие судоустройства, но при этом лишены фундаментальной теоретической базы (в виде концепции полноты судебной власти). Однако, когда речь идет не о замене, а о *дополнении* понятия судоустройства, то многие трудности исчезают. Во-первых, в такой ситуации нет более надобности спорить о том, является суд правоохранительным органом или нет, поскольку речь идет не о правоохранительных органах *вместо* судоустройства, а о правоохранительных органах *вместе* (наряду) с судоустройством. Во-вторых, появляется возможность сохранить весь тот богатый и полезный теоретический инструментарий, который наработан в советский и постсоветский периоды при разработке учения о правоохранительных органах. В-третьих, необходимость обоснования связи между судоустройством и организацией сопутствующих правосудию правоохранительных органов приводит к постепенному восстановлению в тех или иных пределах концепции полноты судебной власти. Если это учение получит дальнейшее развитие в отечественной правовой доктрине, то понятие правоохранительных органов постепенно войдет в состав судоустройства. Если не получит, то автономия данного понятия сохранится — оно будет существовать наряду с судоустройством.

Но при любом векторе развития российской правовой доктрины важно помнить, что понятие правоохранительной деятельности и правоохранительных органов должно иметь четкую *процессуальную* привязку. Речь может идти только о тех органах, которые по долгу службы (*ex officio*) участвуют в том или ином виде судопроизводства, т.е. чья деятельность процессуальна и направлена на достижение задач правосудия. Это в полной мере относится и к наднациональным судебным или квазисудебным

органам (международным арбитражам, ЕСПЧ и др.), так как их деятельность всегда процессуально привязана тем или иным способом к национальной судебной системе и опирается на судебные прерогативы государства.

§ 6. Структура дисциплины и ее соотношение с другими юридическими учебными (научными) дисциплинами

Центральным для данной дисциплины является понятие судоустройства. Если понимать его в строгом (узком) смысле, то оно, в свою очередь, в самом общем виде состоит из четырех крупных частей, каждая из которых обладает определенной автономией:

- 1) учение о судебной власти и судебной системе в целом;
- 2) отдельные элементы судебной системы;
- 3) статус судей;
- 4) организационное обеспечение деятельности судов.

Наряду с этим в рамках дисциплины изучаются статус и организация органов, осуществляющих следующие направления правоохранительной деятельности, способствующей отправлению правосудия:

- 1) прокурорский надзор и некоторые иные виды деятельности, в центре которых находится *прокуратура*;
- 2) пресечение, раскрытие и расследование преступлений, которые осуществляют органы *полиции*, *оперативно-розыскные* подразделения, органы *дознания* и *предварительного следствия*;
- 3) оказание юридической помощи, в центре которого находится *адвокатура*;
- 4) исполнение судебных решений, в центре которого находится *Министерство юстиции* и подчиненные ему службы.

Отдельно изучаются учреждения, обеспечивающие так называемое альтернативное разрешение правовых споров (третейские суды и учреждения, службы медиации и др.), а также органы международной и европейской наднациональной юстиции.

Что касается соотношения дисциплины с другими юридическими учебными (научными) дисциплинами, то его следует оценивать в рамках фундаментальной для права *дихотомии* между *материальным правом* (иначе говоря, правом существа, определяющим права и обязанности, ответственность за неис-

полнение последних) и **процессуальным правом** (иначе говоря, правом формы, т.е. процессуальных, прежде всего судебных, гарантий привлечения к ответственности).

Судоустройство и организация иных правоохранительных органов — это учение о статике процесса, т.е. построении органов и учреждений, либо осуществляющих производство по тем или иным делам, либо участвующих в силу своих профессиональных обязанностей в таком производстве. В связи с этим данная дисциплина неразрывно связана со всеми процессуальными дисциплинами: конституционным судопроизводством; уголовным процессом (судопроизводством); гражданским процессом (судопроизводством); арбитражным процессом; административным судопроизводством; производством по делам об административных правонарушениях. Другими словами, данная дисциплина, отмежевавшись в свое время от процессуальных дисциплин, выделившись в их своего рода «общую часть», продолжает оставаться *процессуально-центричной*.

В то же время нельзя не отметить и связь дисциплины с такими фундаментальными отраслями современного права, как *конституционное* и *международное* право. Многие принципы правосудия, подходы к организации судебной системы, требования к статусу судьи сегодня закреплены на уровне конституционных и (или) международных норм и стандартов. С конкретными примерами этого мы будем часто сталкиваться в ходе дальнейшего изложения. Необходимо помнить, что сама идея самостоятельной и независимой судебной власти, осуществляющей правосудие как одну из важнейших прерогатив государства, есть по своему значению идея *конституционно-правовая*, пусть технически и реализуемая в рамках судоустройства и судопроизводства.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ И НАУКИ СУДОУСТРОЙСТВА В РОССИИ

Литература

Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 5 ч. Ч. 3. СПб., 1867; *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. 9-е изд. СПб., 1905 (переизд. в 2 т. М., 2008); Судебная реформа: В 2 т. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. М., 1915; *Кожевников М.В.* История советского суда. М., 1957; *Лёзов И.Л.* Советский суд в 1917–1940 гг.: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Радченко В.И.* Судебная реформа в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические проблемы. М., 1999; История суда и уголовного процесса (альбом наглядных пособий). М., 2002; Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. М., 2003; История судебной системы в России / Под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011; Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: В 2 т. / Под ред. Е.А. Борисовой, Л.В. Головки. М., 2014; История суда и правосудия в России: В 9 т. / Отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М., 2017–2019.

§ 1. Судебная система России до Судебной реформы 1864 г.

Рассматривая отечественную судебную систему в ее историческом развитии, можно выделить четыре последовательно сменяющих друг друга этапа: 1) **дореформенный** (до Судебной реформы 1864 г.); 2) **пореформенный** (1864–1917 гг.); 3) **советский** (1917–1991 гг.) и 4) **постсоветский** (с 1991 г. по настоящее время).

Представление об истории российского суда до реформы 1864 г. как о едином этапе длиною в тысячелетие для отечественной правовой науки традиционно. И хотя судоустройство в этот период не отличалось единообразием, а его развитие было чаще хаотичным, чем планомерным, методологически подобный подход весьма удачен.

Во-первых, данный этап характеризуется *отсутствием судебной власти* в строгом значении этого понятия¹. Разумеется,

¹ О понятии судебной власти см. § 1 главы 3 настоящего учебника.

возможность официального рассмотрения правовых споров существовала и в Древней Руси, что в некотором смысле позволяет рассуждать об организации древнерусского «суда» и реализации государством «судебной функции»¹. Однако дореформенный суд не был обособлен от других элементов государственного аппарата и не обладал полноценной независимостью. Гарантии профессиональной компетентности его персонального состава также были незначительны. Другими словами, в рассматриваемый период отсутствовало большинство тех признаков, которые в наши дни расцениваются как неотъемлемые атрибуты судебной власти.

Во-вторых, ко всему дореформенному этапу вполне применимы слова К.Д. Кавелина, еще в XIX столетии охарактеризовавшего допетровское российское судоустройство как «лишенное догматического интереса»². Конечно, это не означает, что его исследование совершенно бесполезно. Но всё же стоит помнить, что организация дореформенного российского суда крайне редко опиралась на достижения *научной* юридической мысли. Даже самые прогрессивные преобразования тех времен в лучшем случае вдохновлялись передовыми философскими идеями.

В-третьих, к организации дореформенного суда слово «система» применимо лишь условно. Как отмечают составители шеститомника «Судебная власть в России: История. Документы», «она представляла собой настолько беспорядочное нагромождение друг на друга [соответствующих] учреждений... что подробно, упорядоченно эту невероятно запутанную совокупность и компетенцию каждой из ее составляющих не считали то ли возможным, то ли нужным отражать даже очень обстоятельные авторы трудов досоветского периода истории России»³.

Отмеченные обстоятельства указывают на важную объединительную черту, характерную для *всего* дореформенного этапа: **в этот период происходит формирование предпосылок для последующего построения полноценной, научно обоснованной судебной системы**, что в целом отражает закономерности, свойственные и другим европейским государствам.

¹ Не случайно в летописном сказании о призвании варягов князья приглашаются, чтобы «владеть и судить по праву». Повесть временных лет / Пер. древнерусского Д.С. Лихачёва. СПб., 2012. С. 17.

² Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013. С. 245.

³ Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. Т. 3. М., 2003. С. 151.

Первой такой предпосылкой стало **обособление суда от власти монарха**. На раннем этапе существования Российского государства связь между ними была неразрывной. Какое-то время князь, по-видимому, был единственным легитимным судебным органом помимо общественного суда (веча). Однако уже скоро вполне отчетливо наметилась тенденция к *децентрализации* судебной функции. Не будучи в состоянии справиться в одиночку, князья доверяли ее осуществление сперва своим дружинникам¹, а позже — членам своей семьи. К середине XII в. распространенной практикой стало разрешение споров на местах тиунами и иными представителями государя².

Дальнейшее отделение суда от высшей власти выразилось в постепенном ограничении судебных полномочий монарха. Отказавшись от личного рассмотрения большинства правовых споров, князья (а позже и цари) долгое время позволяли своим подданным обращаться к ним с жалобами («челобитными») на любые спорные решения. Лишь в Соборном уложении 1649 г. (ст. 20 гл. 10) впервые был установлен запрет искать защиты у государя, прежде «не бив челом в приказе»³.

Представление о монархе как о высшей судебной инстанции (типичное для всей европейской правовой традиции того времени) сохранялось в России еще более полувека, пока в 1718 г. не было провозглашено, что те «челобитчики... [кто] Сената правосудием не удовольствуются... больше никуда своего челобитья не [будут] иметь, понеже тот *вышний* Сенат от Его Царского Величества высокоповерен»⁴. Впрочем, как Петр I, так и последующие правители порою всё же вспоминали о принадлежащих им судебных полномочиях. По-видимому, окончательная замена суда государя судом *от имени* государя произошла лишь к концу эпохи дворцовых переворотов.

¹ Основные положения преобразования судебной части в России (с присовокуплением краткого обзора исторического хода судопроизводства). М., 1863. С. 4.

² История суда и правосудия в России: В 9 т. / Отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 1. М., 2017. С. 315. В Пространной редакции Русской правды (датируется XII–XIII вв.) эти лица обобщенно названы «судьями».

³ Очевидно, этот запрет не соблюдался, что привело к его повторению в именном указе Петра I от 2 февраля 1700 г. «О неподаче просьб мимо присутственных мест Государю...» // ПСЗРИ-1. Т. IV. № 1748.

⁴ Пункт 5 именного царского указа от 22 декабря 1718 г. «О неподаче Государю прошений...» // ПСЗРИ-1. Т. V. № 3261.

Стоит отметить, что изначально решение российских монархов отказаться от отправления судебной функции, ограничив тем самым собственную власть, было продиктовано единственным желанием сложить с себя хотя бы часть государственных забот¹. Однако впоследствии этот шаг позволил совершенно безболезненно претворить в жизнь одно из важнейших правовых начал Судебной реформы 1864 г.: принцип *подзаконности судебной власти* и ее *отделения от власти законодательной*².

Вторая заметная предпосылка, возникшая на данном этапе, связана с постепенным **отделением суда от администрации**. Надо сказать, что оформилась эта тенденция далеко не сразу, а ее логическое завершение состоялось лишь в ходе реформы 1864 г. В целом же для дореформенного этапа был характерен противоположный принцип: *«кто управляет, тот и судит»*³.

Самые ранние шаги к обособлению «судебных мест», по всей видимости, были предприняты лишь в середине XVI в. Именно тогда «стремление центральной власти... ограничить власть областных правителей» привело к созданию «совершенно новых... учреждений с специально... судебными функциями» (Разбойного приказа, Холопского суда и др.)⁴. Впрочем, значение данного события не стоит переоценивать. Подведомственность новых приказов охватывала лишь малую долю судебных дел. К тому же за каждым из них закреплялись не только судебные, но и сугубо административные полномочия⁵.

Более решительную попытку отделить суд от органов управления предпринял Петр I. Поручив управление на местах воеводам и комендантам, состоявшим под властью губернаторов, император запретил им «ссоры тяжёбного дела... судить и судьям в расправе их помешательство чинить»⁶. Рассмотрение судебных

¹ В преамбуле вышеназванного указа от 1718 г. высказывалось сожаление, что «за столь многими [делами] усмотреть» невозможно «не только человеку, но даже и Ангелу».

² Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1905. С. 181–182.

³ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 249.

⁴ Вернер И.И. О времени и причинах образования московских приказов. М., 1907. С. 146–149. С учетом компетенции данных учреждений И.И. Вернер называет их «судебными приказами».

⁵ Чебанова Н.С. Организационно-правовые основы деятельности приказов как органов централизованного управления в Московском государстве XVI–XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 9.

⁶ Пункт 5 Инструкции, или Наказа Воеводам от января 1719 г. // ПСЗРИ-1. Т. V. № 3294.

споров указами 1719 г. было поручено *провинциальным* и наблюдающим за ними *надворным судам*¹.

Хотя произошедшая реформа была несомненным шагом вперед, созданная ею система не избежала внутренних противоречий. Формально не вмешиваясь в существо судебных дел, администрация всё же осуществляла надзор за правильным функционированием судов. При этом судебные полномочия вверялись не только специально созданным для этого органам, но и многочисленным *коллегиям*, пришедшим на смену приказам и также осуществлявшим отраслевое управление государством². В отсутствие прочной идеологической основы новая организация суда оказалась недолговечна, просуществовав не более десятилетия³.

Следующий импульс развитию идеи об отделении суда от администрации был задан лишь полвека спустя, в ходе губернской реформы Екатерины II. В преамбуле к Учреждению 1775 г.⁴ отмечалось, что совмещение в одном и том же месте судов, полиции, казенных доходов и счетов препятствует нормальному течению правосудия, в связи с чем провозглашался принцип *отделения судебных мест от губернских правлений*. Непосредственно в тексте документа наместникам, городничим и прочим чиновникам предписывалось «никого не судить» и «отнюдь не мешаться в производства судебных дел».

Несмотря на то, что к моменту екатерининской реформы «мысль о необходимости разделения [судебной и административной власти] сделала значительные успехи... и осуществление ее было гораздо более прочным»⁵, искомая цель достигнута так

¹ См.: *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 408–409.

² Например, Коммерц-коллегия судила различные торговые споры, Берг- и Мануфактур-коллегии — дела берг- и мануфактур-заводчиков и т.д. (Там же. С. 440).

³ По мнению Б.И. Сыромятникова, «Петру так же мало была доступна идея отделения суда от администрации... как и его современникам», поэтому он «сам решительно вернулся к началу соединения суда и администрации... Та ломка петровских учреждений, которая обыкновенно приписывается его преемникам... в действительности была совершена самим Преобразователем» (*Сыромятников Б.И.* Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа: В 2 т. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. М., 1915. С. 156).

⁴ Учреждение для управления губерний Российской империи от 7 ноября 1775 г. // ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14392.

⁵ *Готье Ю.В.* Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа: В 2 т. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. М., 1915. С. 203.

и не была. Зависимость суда от администрации по-прежнему сохранялась. Органы управления не только влияли на состав судебных мест, но и имели широкие надзорные полномочия. По меткому наблюдению Н.М. Коркунова, «Учреждение 1775 г. установило не столько разделение властей, сколько разделение труда... Оно различало не только суд и администрацию, но точно так же в сфере самой администрации полицейские и казённые дела»¹.

Перестройка государственного аппарата, произведенная Екатериной II, стала последним значительным преобразованием судебной части в дореформенный период. В последующие десятилетия суд всё так же оставался единым с администрацией. И всё же произошедшие изменения не прошли даром. Именно они заложили основу для будущего перехода к судебной системе, полностью отделенной от государственного управления.

Третья важная предпосылка, сложившаяся на дореформенном этапе, — формирование тенденции к **систематизации судов**. Начало этой тенденции было положено в XV–XVI вв. в ходе стремительной централизации Российского государства. Данный период ознаменовался принятием Судебников 1497 и 1550 гг., нацеленных на единообразную организацию суда по всей территории страны². Проведенная унификация стала первым шагом на пути к построению полноценной судебной системы.

Впрочем, до этой цели было еще далеко. Хотя различия между московским, новгородским, тверским и иными российскими судами были стерты, взаимодействие судебных органов оставалось хаотичным. Не существовало ни стройной системы инстанций, ни внятных правил определения подсудности. Во многом это было связано с тем, что, не будучи отделенным от органов управления, суд функционировал по принципу отраслевой специализации («каждый приказ кого-нибудь за что-нибудь да судил»³). Кроме того, суд не был ни всеобщим, ни равным.

Впоследствии начатая систематизация была продолжена. В результате реформ Петра I и Екатерины II организация рос-

¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II. СПб., 1909. С. 435.

² Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. Т. 1. М., 2003. С. 129–137.

³ Серов Д.О. Судоустройство и судопроизводство России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2008. Вып. 7. С. 93.

сийского суда стала более логичной. С обособлением судебной функции число судебных мест было значительно сокращено. Их отраслевая специализация, отчасти сохранившись, ушла на задний план, что сделало подсудность более прозрачной. Одновременно с этим была намечена иерархия судебных звеньев, что позволило уменьшить количество инстанций и придать движению дела определенную закономерность¹.

Тем не менее на дореформенном этапе выстроить полноценную судебную систему не удалось. Споры о подсудности по-прежнему не были редки. Попытки найти компетентный судебный орган порою приводили к отказу в правосудии. Отмеченной хаотичности дореформенной организации суда во многом способствовал принцип сословности, имевший на тот момент колоссальное значение². Важно и то, что количество судебных звеньев и инстанций, хотя и сократилось, но всё же оставалось произвольным. Как видно, даже поздний дореформенный суд нуждался в дальнейшей систематизации³.

Наконец, четвертая значимая предпосылка связана с **формированием судейского корпуса**. В процессе исторического развития лица, задействованные в отпращивании судебной функции, постепенно обретали качества, делающие их *судьями* в самом строгом смысле этого слова. Речь идет, во-первых, об их персональной независимости и, во-вторых, об их профессионализме.

Говоря о судейской *независимости*, стоит в первую очередь помнить о том, что судья *stricto sensu* «не может иметь никакого непосредственного начальника»⁴. Интересно, что воплощение этой идеи началось еще в Древнерусском государстве. Даже

¹ По мнению разработчиков Судебной реформы 1864 г., именно Петр I заложил «основание понятия о рассмотрении дел по инстанциям, которое с того времени сделалось общим» (Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 5 ч. Ч. 3. СПб., 1867. С. 4).

² Как отмечает К.Д. Кавелин, как Петр I, так и Екатерина II не только не ликвидировали сословность суда, но даже напротив, провели «окончательное юридическое разделение сословий» (Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 421–422). Подведомственность судебных дел стала во многом определяться тем, к какому из сословий (дворянскому, крестьянскому, мещанскому, купеческому или др.) принадлежали ключевые участники правового спора.

³ В неупорядоченности дореформенного судоустройства можно убедиться, ознакомившись с его схематическим изображением в советском издании: История суда и уголовного процесса. Альбом наглядных пособий. М., 1938. С. 32–47.

⁴ Гессен В.М. О судебной власти // Судебная реформа: В 2 т. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. М., 1915. С. 9.

самые ранние законодательные акты, направленные на построение судебной иерархии, не закрепляли за вышестоящими «судами» право вмешиваться в дела нижестоящих инстанций, влияя на принимаемые решения. Не менее важно отметить, что с развитием российского судоустройства уже на дореформенном этапе наблюдалось постепенное расширение гарантий беспристрастности, причем некоторые из них имели довольно раннее происхождение¹.

Что касается *профессионализма* судей, здесь важны два аспекта. Первый состоит в освобождении лиц, осуществляющих судебную функцию, от иных видов профессиональной деятельности. Второй — в их обучении праву и искусству разрешения споров. Останавливаться на первом аспекте нет нужды, поскольку его реализация неразрывно связана с рассмотренной ранее идеей обособления суда от администрации. Если же говорить о профессиональном обучении судей, остается признать, что в России даже в XVIII в. наблюдалось «полное отсутствие юридической подготовки: ... были законоведы в лице дьяков и подьячих, но не было образованных юристов»². Первые университеты с юридическими факультетами появились лишь в середине XVIII (Московский) — первой половине XIX (Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Киевский и др.) веков, а первое специализированное юридическое высшее учебное заведение — Императорское училище правоведения — возникло лишь в 1835 г.³ Едва ли стоит удивляться, что даже к концу дореформенного периода «в судах первой инстанции неграмотные или малограмотные составляли большинство»⁴.

Резюмируя особенности российского судоустройства до реформы 1864 г., можно вновь повторить два ключевых тезиса. С одной стороны, организация дореформенного суда была далека от идеала. Не только его внутреннее устройство, но и способы

¹ Уже от древнерусского княжеского суда ожидалось стремление к «истине и нелицемерности» (Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. Т. 1. М., 2003. С. 343). Аналогичное требование содержалось в ст. 1 Судебника 1497 г., запрещавшего взяточничество и пристрастный суд.

² *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1899. № 2. С. 68.

³ См. подробнее: *Анненкова Э.А.* Императорское училище правоведения. СПб., 2006.

⁴ *Бочкарев В.Н.* Дореформенный суд // Судебная реформа: В 2 т. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. М., 1915. С. 211.

взаимодействия с иными органами власти требовали коренного пересмотра. С другой стороны, история отечественного суда до Великой реформы не была статичной. С течением времени он развивался, формируя почву для будущих масштабных преобразований. В последовавших затем изменениях видны «не скачки и не бред буйной теоретической мысли... а только *логическое развитие* институтов, раньше намеченных»¹. Судебная реформа 1864 г. была радикальным, но всё же вполне закономерным шагом.

§ 2. Судебная реформа 1864 г. и ее значение

Прежде чем приступить к рассмотрению содержания Судебной реформы, следует сделать одно важное уточнение. Хотя ее осуществление традиционно относят к 1864 г., необходимо понимать, что речь идет лишь о моменте утверждения соответствующих законов. Разумеется, как разработка реформы, так и ее реализация заняли много больше времени². Подготовка будущих преобразований судебной части началась еще в 1840-х годах по инициативе главноуправляющего 2-м отделением императорской канцелярии *Д.Н. Блудова*. Впрочем, наиболее интенсивные и плодотворные проектные работы пришлось на 1861–1864 гг., когда Александр II, даровавший свободу крестьянам, обратил свой взор на проблему зависимости российского суда.

Осенью 1861 г. было принято решение извлечь из подготовленных ранее документов «главные основные начала», способные сформировать фундамент будущих судебных уставов. Вскоре эта задача была выполнена. 29 сентября 1862 г. император утвердил *Основные положения преобразования судебной части в России*³ —

¹ *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ: В 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 26.

² В Закаспийской области и в ряде уездов Вологодской губернии акты Судебной реформы вступили в силу в 1899 г., т.е. спустя 35 лет с момента их утверждения (ПСЗРИ-3. Т. XIX. № 16489, 16490). Лишь после этого император Николай II в Высочайшем рескрипте от 1 июля 1899 г. мог констатировать, что «на пространстве России нет уже более местности, которая бы не пользовалась благами присущих сим Уставам вечных начал» (цит. по: *Ермолаев А.Н.* Уездный Мариинск: 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 373).

³ Значение этого документа, имевшего силу закона, было двояким. Во-первых, он обозначил вектор и очертил границы будущей реформы. Во-вторых, его предварительная публикация вызвала отклик со стороны ученых и практиков, позволив собрать многочисленные предложения о возможном содержании судебных уставов.

документ, очертивший контуры будущего судоустройства и обозначивший его узловые особенности (разделение властей, строгую последовательность обжалования решений, независимость и профессионализм судей и др.).

Следом за этим для составления проектов судебных уставов при Государственной Канцелярии была создана комиссия под председательством *В.П. Буткова*¹. Ее отделение судоустройства возглавил *А.М. Плавский*. Работа над проектами велась с ошеломляющей быстротой и заняла всего 11 месяцев. Уже осенью 1863 г. они были представлены на заключение министру юстиции *Д.Н. Замятнину*. Вскоре, после обстоятельного обсуждения и учета всех поступивших замечаний, подготовленные документы были одобрены высшей властью².

20 ноября 1864 г. Александр II подписал указ, совершивший настоящий переворот в истории российского суда. Своим высочайшим повелением император утвердил четыре кодекса, составивших нормативный фундамент великой Судебной реформы: 1) *Учреждение судебных установлений*; 2) *Устав уголовного судопроизводства*; 3) *Устав гражданского судопроизводства* и 4) *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*. «Они, — гласил Указ, — вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех... возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние»³.

Надо сказать, что столь высокая оценка Судебных Уставов была вполне заслуженной. Будучи подготовлены в крайне сжатые сроки, они тем не менее несли на себе отпечаток весьма кропотливой работы. Вникая в их содержание, нельзя не заметить, что в них гармонично переплетены передовые достижения научной юридической мысли, отечественные правовые традиции и зарубежный опыт. И это неудивительно, ведь

¹ Несмотря на официальное назначение В.П. Буткова, реальным руководителем комиссии стал *С.И. Зарудный* — астроном по образованию, обнаруживший в себе талант к правоведению и внесший неоценимый вклад в дело Судебной реформы.

² Подробнее об истории разработки, утверждения и реализации судебных уставов см.: *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С. 9–136.

³ Указ от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» // ПСЗРИ-2. Т. XXXIX. № 41473.

многие именитые правоведы приняли в разработке реформы самое непосредственное участие¹.

Главным актом Судебной реформы в области судеустройства стало **Учреждение судебных установлений** (далее — Учреждение). Именно в нем содержались нормы, очертившие структуру пореформенного суда и статус членов судебного ведомства. Согласно ст. 1 Учреждения, судебная власть в Российской империи принадлежала только *пяти* «установлениям»: 1) мировым судьям; 2) съездам мировых судей; 3) окружным судам; 4) судебным палатам и 5) Правительствующему сенату². Эти суды, формируя общую юрисдикцию, рассматривали «все дела, как гражданские, так и уголовные» (ст. 2 Учреждения).

Дореволюционная доктрина подразделяла все судебные установления на две подсистемы. К **местным** (или мировым) установлениям относились *мировые судьи* (участковые и почетные) и *съезды мировых судей*. Мировые судьи заседали единолично, рассматривая по первой инстанции дела небольшой важности. Съезды формировались из всех мировых судей соответствующего *мирового округа*³. Они собирались с установленной периодичностью для рассмотрения апелляционных либо кассационных жалоб на решения мировых судей.

Подсистема **общих** (или коронных) судебных установлений также не отличалась большой сложностью. Она состояла из трех звеньев: окружных судов, судебных палат и Правительствующего сената. Все общие установления заседали в коллегиальном составе.

Окружные суды рассматривали судебные дела по первой инстанции, действуя в составе не менее трех судей, к которым в ряде случаев присоединялась коллегия из 12 присяжных заседателей⁴. Подсудность окружного суда соответствовала территории нескольких уездов.

¹ См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. С. 25–26.

² В действительности рассмотрением уголовных дел ведал также еще один орган: *Верховный уголовный суд*. Однако это был суд *ad hoc*, «учреждавшийся каждый раз по особому высочайшему указу» для рассмотрения дел о наиболее важных государственных преступлениях (гл. 2 разд. 2 Устава уголовного судопроизводства). За всё время действия Судебных Уставов он учреждался лишь дважды.

³ Его административным эквивалентом был уезд с находившимися в нем городами (ст. 12 Учреждения).

⁴ Согласно ст. 201 Устава уголовного судопроизводства суд с участием присяжных заседателей рассматривал уголовные дела о преступлениях или про-

Судебные палаты действовали в качестве судов апелляционной инстанции в делах, рассмотренных окружными судами без участия присяжных заседателей. Некоторые уголовные дела о «преступлениях гражданской службы» рассматривались судебными палатами по первой инстанции. В этом случае в состав суда взамен присяжных включались сословные представители. Для определения подсудности судебных палат формировались *судебные округа*, состоявшие из территорий нескольких губерний.

Правительствующий сенат рассматривался прежде всего как «верховный кассационный суд» империи. Для «заведования судебной частью» в этом качестве в нем были созданы два кассационных департамента: один для уголовных, другой для гражданских дел (ст. 114 Учреждения). В то же время по ряду уголовных дел Правительствующий сенат мог также действовать как суд первой или апелляционной инстанции.

Как видно, деятели Судебной реформы значительно преуспели в деле построения стройной и компактной судебной системы. Успех систематизации был во многом предопределен тем, что «бесконечное разнообразие и многочисленность инстанций»¹ сменились прозрачной и научно обоснованной последовательностью обжалования. Каждое судебное решение могло быть пересмотрено не более двух раз: сперва в апелляционном порядке с проверкой не только его законности, но и обоснованности, а позже — в порядке кассации по причине существенного нарушения закона. При этом по общему правилу единственным судом кассационной инстанции был Правительствующий сенат². Важно и то, что Судебная реформа упразднила *ревизионный порядок* пересмотра, предполагавший сплошную перепроверку решений даже в отсутствие жалоб и протестов.

Впрочем, грамотное построение системы судебных мест — далеко не единственная заслуга реформы 1864 г. Новый суд действительно был **полностью отделен от администрации**. Поли-

ступках, за совершение которых предусматривались наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния.

¹ Ранее некоторые дела проходили не менее 11 инстанций (см.: *Бочкарев В.Н.* Указ. соч. С. 228, 239).

² Хотя правом на кассационное рассмотрение обладали также съезды мировых судей, это право распространялось лишь на ограниченный круг наименее важных дел. В подавляющем большинстве случаев решения мировых судей также подлежали кассационному обжалованию в Правительствующий сенат.

ция и органы государственного управления утратили прежние судебные функции. Назначение всех судей общих судебных установлений стало прерогативой императора¹. Исчезли прежние правила об утверждении приговоров губернаторами. Однако значительней всего, вероятно, было то, что впервые свое воплощение начала обретать идея *полноты судебной власти*². Если ранее для воздействия на участников судопроизводства и исполнения собственных постановлений суд был вынужден обращаться к должностным лицам различных исполнительных органов, то реформа 1864 г. сделала его самодостаточным. Отныне при судебных местах находились не только канцелярии, но и прокуроры, судебные следователи, присяжные поверенные (адвокаты), судебные приставы, нотариусы и др.

Говоря о достижениях Судебной реформы, нельзя обойти вниманием преобразования, направленные на **укрепление статуса судей**. Во-первых, произошло существенное расширение гарантий *судейской независимости*. Статья 243 Учреждения закрепила требование несменяемости судей, защитив их не только от произвольного увольнения, но и от перевода в другую местность без их согласия. Кроме того, закон установил право всех членов суда на достойное вознаграждение, а в случае оставления службы — на соразмерное пенсионное обеспечение. Во-вторых, значительное внимание было уделено вопросу *профессионализма* судей новых судов. Для замещения соответствующих должностей согласно ст. 202 Учреждения требовалось доказать наличие достаточных «познаний по судебной части». На практике это требование действительно соблюдалось. Примечательно, что в кадровом укомплектовании первых судебных установлений самое активное участие принял министр юстиции Д.Н. Замятин, обнаруживший немало одаренных правоведов и блестящих судебных ораторов³.

Воздавая должное творцам и вдохновителям Судебной реформы, признавая ее многочисленные достоинства и, несомненно, прогрессивный характер, стоит всё же избегать ее чрезмерной

¹ Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями и утверждались Правительствующим сенатом сроком на три года (ст. 23, 24, 37 Учреждения).

² Более подробно об этой идее см. § 2 главы 1 и § 7 главы 3 настоящего учебника.

³ См.: *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С. 50.

идеализации. Едва ли возможно согласиться с Н.В. Муравьевым, утверждавшим, что дальше начал, приведенных в судебных уставах, «нам незачем и некуда идти»¹. Очевидно, что, как и любое произведение человеческого ума, Судебная реформа 1864 г. имела свои недостатки. Достаточно вспомнить о том, что созданная ею судебная система отнюдь не была монолитной.

Так, несмотря на провозглашенную всесословность нового суда, параллельно с ним продолжала функционировать система сословных *крестьянских судов*. Собственную подсудность сохранили и *военные суды*, во многом основанные на архаичных началах, отвергаемых Судебными Уставами. В качестве специализированных действовали также *коммерческие суды*, лишь отчасти интегрированные в систему общих судебных установлений². Как пример средневекового горизонтального дуализма³, на протяжении всего пореформенного периода сохранялись *духовные суды*, имевшие в условиях единства церкви и государства собственную юрисдикцию. Наконец, на окраинах империи, а также среди некоторых коренных народов России существовали *инородческие суды*.

И всё же, сознавая несовершенство Судебной реформы, нельзя не признать ее колоссальное и во многих отношениях непреходящее значение. Реформаторам удалось совершить почти невозможное: народ, сознанию которого, по выражению Б.И. Утина, «тип праведного судьи был чужд вообще»⁴, проникся глубочайшим уважением и доверием к суду. Повысился не только общий уровень правосознания, но и престиж юридических профессий. Правовая наука России испытала небывалый подъем, оставив после себя поистине золотое наследие⁵.

Судебная реформа 1864 г. надолго определила вектор эволюции отечественного суда. Следы ее влияния обнаруживаются

¹ Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: В 2 т. Т. 1. СПб., 1900. С. 77.

² На решения коммерческих судов могли приноситься апелляционные жалобы, как правило, рассматриваемые Правительствующим сенатом. Исключение составлял Варшавский коммерческий суд, приравненный к окружным. Его решения обжаловались сперва в Варшавскую судебную палату, а уже затем, в порядке кассации, — в Правительствующий сенат (Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 419, 425).

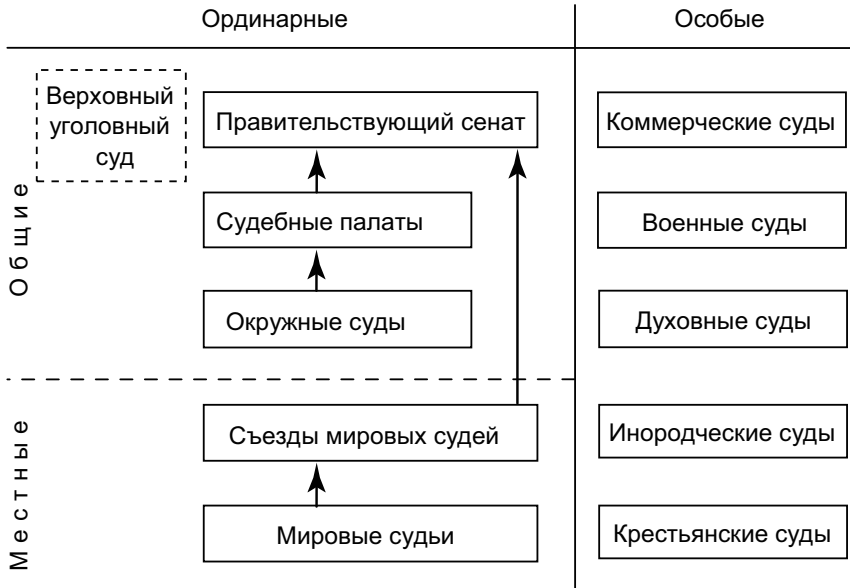
³ О единстве и дуализме судебной системы по горизонтали см. § 3 главы 6 настоящего учебника.

⁴ Цит. по: Бочкарёв В.Н. Указ. соч. С. 241.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 79–81, 130–131.

не только в советском, но и в современном судоустройстве и судопроизводстве¹. Многие из принципов, положенных в основу Великой реформы, по-прежнему составляют фундамент российской судебной системы. Некоторые из них (разделение властей, состязательность, справедливость и др.) были отчасти переосмыслены, другие (независимость судей, право на защиту, участие населения в отправлении правосудия и др.) почти не изменились, но были усилены множеством новых гарантий. Именно поэтому знание истории и содержания Судебной реформы важно не только для ученых и составителей законов, но и для любых представителей юридической профессии².

Система судебных установлений по Судебной реформе 1864 г.

¹ Значение Судебной реформы 1864 г. для отечественного *судопроизводства* здесь не рассматривается, поскольку студенты знакомятся с этим вопросом при изучении дисциплин «Уголовный процесс» и «Гражданский процесс». Для самостоятельного ознакомления с ним см., например: Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: В 2 т. / Под ред. Е.А. Борисовой, Л.В. Головки. М., 2014.

² Примечательно, что с 2008 г. День юриста в России официально отмечается ежегодно *3 декабря*, что соответствует 20 ноября по «старому стилю». Выбор дня празднования становится понятен, если вспомнить, что именно 20 ноября 1864 г. произошло утверждение Судебных Уставов. Можно сказать, что Судебная реформа стала своеобразным символом отечественной юриспруденции.

§ 3. Развитие науки о судоустройстве в дореволюционный период

Научное (в академическом смысле этого понятия) изучение проблем суда и судебной власти, а вместе с тем в той или иной степени и судоустройства, началось в России во второй половине XVIII — начале XIX в. в связи с основанием в 1755 г. Московского университета (включавшего с момента основания юридический факультет), когда возникла необходимость в преподавании соответствующих дисциплин, для чего требовалась их научная систематизация и обработка. Так, в 1779 г. увидело свет сочинение профессора Ф.-Г. Дильтея *«Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном»* — едва ли не первая в России специальная работа в сфере судоустройства, которую можно считать научной. Затем наступает период не столько научных, сколько скорее практических пособий, позволивших тем не менее несколько расширить библиографию отечественной литературы по вопросам судоустройства, что было немаловажно и в научном плане. Среди них выделим сочинение еще одного преподавателя Московского университета З.А. Горюшкина *«Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах»* (1807). В таком состоянии, которое можно считать этапом начального развития и которое отличалось исключительно прикладным характером при почти полном отсутствии теоретического анализа, российская наука судоустройства оставалась до проведения Судебной реформы 1864 г.

Выдающимся вкладом в российскую судоустройственную науку, своего рода *переломным моментом* ее развития, стали материалы, сопровождавшие проведение Судебной реформы, которые отличались очень высоким уровнем теоретического, сравнительно-правового анализа и не утратили значения даже сегодня. Они касались организации не только суда, но и прокуратуры, следствия, полиции, адвокатуры, заложив широкое понимание судоустройства, характерное для всего последующего дореволюционного периода. Собрание данных материалов, хранящихся в основном в двух крупнейших библиотеках страны (РГБ в Москве и РНБ в Санкт-Петербурге), столь обширно, что

многие из них до сих пор полностью не опубликованы¹. Однако составители Судебных Уставов отобрали из них наиболее в теоретическом и практическом смысле ценные и разместили в пятитомном издании «*Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны*», вышедшем в свет в Санкт-Петербурге в 1866 г. Для нас особое значение имеет третий том этого издания, посвященный судоустройственному Уставу — Учреждению судебных установлений. Роль данной книги, соединившей текст самого Устава (законодательная часть) с его теоретическими основаниями (доктринальная часть), в развитии российской науки судоустройства трудно переоценить.

Судебная реформа 1864 г., к тому же, как мы видим, одновременно сопровождавшаяся фундаментальными научными изысканиями, открыла новый этап развития российской науки судоустройства, быть может, самый бурный в ее истории, который продолжался до 1917 г. Более того, Судебная реформа оказывала на развитие науки не только непосредственное, но и своего рода «отложенное» влияние: ее продолжали изучать, анализировать, делать на ее основании новые теоретические выводы, в том числе те поколения юристов, которые пришли в науку много позже 1860-х годов — в конце XIX или даже начале XX столетия. Апофеозом таких изысканий стали два фундаментальных коллективных научных труда, подготовленных в 1914–1915 гг. к 50-летию Судебной реформы: «*Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет*» (в 2 т., Пг., 1914) и «*Судебная реформа*» (под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского; также в 2 т., М., 1915).

Вторым фактором (помимо Судебной реформы), обусловившим столь бурное развитие в этот период (1864–1917) науки судоустройства, стало одновременное развитие юридического образования в университетах Российской империи (Московском, Петербургском, Харьковском, Киевском и др.), а также специализированных юридических высших учебных заведениях (Училище правоведения в Санкт-Петербурге, Демидовский юри-

¹ Например, составленная в 1859 г. объяснительная записка выдающегося деятеля Судебной реформы Н.И. Стояновского к проекту «положения об отделе следственной части от полиции», хранящаяся в отделе рукописей РГБ (см.: *Васильев О.Л.* Реформа следствия: предпосылки, результаты, значение // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М., 2014. С. 73).

дический лицей в Ярославле и др.). Характеризуя впоследствии особенности преподавания и научного изучения судоустройства того времени, советский правовед А.Л. Ривлин справедливо отмечал: «В дореволюционных университетах преподавание судоустройства формально соединялось с курсами уголовного и гражданского процесса; однако в самом изложении курса, как и в учебниках уголовного и гражданского судопроизводства (Фойницкого, Случевского, Васьковского и др.), вопросы судоустройства подвергались самостоятельной разработке»¹.

Иначе говоря, нельзя не выделить две основные черты, отличающие развитие российской науки судоустройства в интересующий нас период. *С одной стороны*, данная наука еще не считалась полностью автономной, она развивалась вместе с отраслевыми процессуальными дисциплинами — уголовным и гражданским судопроизводством. Профессор И.Я. Фойницкий применительно к уголовному судопроизводству отмечал: «Судопроизводство, как юридически установленный порядок судебного разбора, складывается из двух главных понятий: во-первых, понятия о суде и сторонах, и, во-вторых, понятия о самом порядке судебного разбора. Отсюда и основное деление уголовного судопроизводства на *судоустройство* или, правильнее, учение о судебных установлениях, или об органах уголовного процесса, и *судопроизводство* в тесном смысле»². Далее он продолжал: «Первое обнимает организацию суда и сторон. В него входят вопросы о судебной власти, о судебной организации ... о вспомогательных органах суда, о сторонах и их представительстве в институте адвокатуры и прокуратуры»³. То же самое *mutatis mutandis* касалось и гражданского судопроизводства⁴. В связи с этим самые крупные курсы по соответствующим процессуальным дисциплинам состояли из двух томов, первый из которых был посвящен главным образом судоустройству, в силу чего в разговорном научном языке до сих пор бытует выражение, что

¹ Ривлин А. Преподавание судоустройства в юридических институтах // Социалистическая законность. 1945. № 7. С. 18.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912. С. 155.

³ Там же.

⁴ См., например: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 4-е изд. СПб., 1907. С. 30–34 и др.

судоустройство — это «первый том» И.Я. Фойницкого или В.К. Случевского¹.

С другой стороны, невзирая на отсутствие формальной автономии, именно в данный период наука судоустройства начала *по существу* отделяться от судопроизводства. Стали понятными как теоретические основания разграничения судоустройства и судопроизводства (в тесном смысле последнего), так и содержание каждой из этих научных дисциплин, близких функционально, но не совпадающих концептуально, что видно уже по приведенной цитате И.Я. Фойницкого. Даже сама необходимость выделения вопросов судоустройства в самостоятельный том и появление в связи с этим «процессуальных двухтомников» достаточно показательны². Это позволило не только начать активно развивать научные исследования чисто судоустройственных вопросов, но и предопределило неизбежную автономизацию данной научной и педагогической дисциплины, выделение ее в некую «общую часть» по отношению к отдельным видам судопроизводства (уголовного, гражданского и т.п.). Окончательная автономизация судоустройства произошла уже позднее, в советский период, но именно пореформенная дореволюционная наука подготовила для нее почву.

Остается добавить, что в пореформенный дореволюционный период произошла глубокая научная разработка проблем организации не только суда, но также прокуратуры и адвокатуры. Причем не только в рамках широкой трактовки судоустройства (в соответствующих разделах курсов уголовного и гражданского судопроизводства), но и на уровне специальных фундаментальных монографических исследований. Именно в этот период были подготовлены и опубликованы два до сих пор не превзойденных в отечественной науке труда: один, посвященный прокуратуре

¹ См.: *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I: Судоустройство. 4-е изд. СПб., 1913 (переиздано: М., 2013). В том же духе (как двухтомник) задумывался и «Курс гражданского процесса» Е.В. Васковского, однако опубликован был лишь первый том, в значительной мере посвященный именно судоустройству (М., 1913; переиздано: М., 2016).

² Можно привести и другие иллюстрации. Так, выдающийся российский правовед, будущий министр юстиции, одно время преподававший на юридическом факультете Московского университета, Н.В. Муравьев свою вступительную лекцию прочитал в 1875 г. на тему «Предмет и изучение науки уголовного судоустройства и судопроизводства» (см.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Самые знаменитые юристы России. М., 2003. С. 245).

(Н.В. Муравьев «*Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности*». Т. 1. М., 1889), а другой — адвокатуры (Е.В. Васьковский «*Организация адвокатуры*», в 2 ч. СПб., 1893).

§ 4. Эволюция судебной системы в советский период

События октября 1917 г. стали поворотным моментом в истории отечественного суда. Смена господствующей идеологии с неизбежностью повлекла за собой переоценку итогов Судебной реформы Александра II. Признавая ее явно прогрессивный характер, теоретики советского судоустройства всё же видели в ней «яркое выражение... стремлений нового общественного класса — буржуазии», способное «вызвать сочувствие лишь у дворян и купцов»¹.

В свете подобных суждений неудивительно, что одним из первых официальных мероприятий советской власти стал **слом прежней судебной системы**. 24 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров был принят *Декрет о суде № 1*², суть которого, по словам одного из его авторов П.И. Стучки, «заклучалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы. И только»³. В полном соответствии с этими задачами пп. 1 и 2 Декрета провозглашали упразднение общих и преобразование местных судебных установлений, а п. 3 предписывал ликвидировать прокуратуру, адвокатуру и институт судебных следователей.

Естественно, что разрушение дореволюционного суда предполагало также отказ от лежащих в его основе принципов, рассматриваемых многими как «буржуазный вздор». Однако всё осложнялось тем, что это был первый опыт построения социалистического государства. Четкое понимание того, как именно должен выглядеть советский суд и чем он должен отличаться от суда «буржуазного», на первых порах отсутствовало. В силу этого к слову старой судебной системы центральная власть подходила более решительно, чем к построению новой.

¹ Вышинский А.Я. Судоустройство в СССР. М., 1940. С. 140, 142.

² Декрет СНК «О суде» от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

³ Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 155.

Хотя уже в первом Декрете о суде содержались нормы о новом судеустройстве, советы на местах смотрели на него как на «общую директиву... не требующую ее буквального исполнения»¹. В результате его предписания, как и требования последующих декретов², выполнялись лишь отчасти. В основном же **организация нового суда определялась местными актами** и потому не отличалась единообразием. Нередко судебная функция вовсе вверялась несудебным органам (военно-революционным комитетам, местным советам и др.)³. При этом центральная власть избрала политику невмешательства, настаивая только на ликвидации прежних судебных установлений⁴.

Ситуация изменилась лишь к концу 1918 г. после принятия первого *Положения о народном суде*⁵, направленного на **унификацию российского судеустройства**. К этому времени широкое признание получил целый ряд идей о «правильной» организации новой судебной системы. В частности, возобладало мнение о «принципиальной несовместимости... советской юстиции с теорией разделения властей и с теорией независимости судебной власти»⁶. Основанием для этой идеи стал провозглашенный ранее лозунг о *полноте власти советов*⁷.

Отмеченная смена парадигмы существенно повлияла на новое судеустройство. По сути, **суд вновь оказался соединен с администрацией**. Из текста Положения 1918 г. мы видим, что исполнительные

¹ Цит. по: Полянский Н.Н. Советское законодательство о судеустройстве в его основных моментах // Право и жизнь. 1923. Кн. 2. С. 55.

² Впоследствии было принято еще два декрета: Декрет ВЦИК «О суде» № 2 от 15 февраля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347 и Декрет СНК «О суде» № 3 от 20 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

³ См.: Лёзов И.Л. Советский суд в 1917–1940 гг.: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 25–27.

⁴ Добиться мирного роспуска старых судов удавалось не всегда. 23 ноября 1917 г. Правительствующий сенат издал определение об отказе подчиняться решениям СНК, как «самочинной организации», и о намерении продолжать свою деятельность, «доколе к этому представляется какая-либо возможность» (Русские ведомости. 1917. № 257. С. 3). Его примеру последовали и многие нижестоящие установления.

⁵ Положение ВЦИК о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁶ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР: В 2 ч. Ч. 1. М., 1927. С. 27.

⁷ «Вся власть отныне принадлежит Советам!» (Обращение 11 Всероссийского съезда Советов «О полноте власти советов» от 26 октября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 5).

комитеты советов различного уровня участвовали не только в формировании судебной системы, но и в кадровом укомплектовании судов. Коллегии защитников, обвинителей и представителей в гражданском процессе, пришедшие на смену прокуратуре и адвокатуре, также образовывались при исполкомах.

Значительное влияние на суд имел и другой исполнительный орган: Народный комиссариат юстиции. Согласно Положению об отделах Наркомюста 1920 г.¹, его структурные подразделения заведовали организацией судов, органов следствия, обвинения и защиты, наблюдали за их деятельностью и давали им руководящие указания. В том же году было издано новое *Положение о народном суде*², закрепившее за Наркомюстом право высшего судебного контроля. Во исполнение этой нормы в нем действовал особый отдел, рассматривавший в порядке надзора отдельные приговоры и решения народных судов. Другими словами, высшей судебной инстанцией стал несудебный орган.

В этом контексте вполне понятны жалобы практических работников на то, что суд, контролируемый администрацией, перестал быть «ответственным органом» и утратил свой былой авторитет³. «Каждый милиционер, пользуясь оружием, имел склонность держать себя по отношению к народному судье каким-то верховным начальством»⁴. В сложившихся реалиях доверие и уважение к суду со стороны населения также было подорвано.

Другая идея, положенная в основу новой судебной системы, состояла в ее максимальном упрощении посредством создания **единого народного суда и упразднения апелляции**. Начало *единства* выразилось в двух аспектах. Во-первых, Положение 1918 г. окончательно ушло от разделения судов на местные и общие. Во-вторых, народные суды, действовавшие на районном уровне, стали единственным звеном, рассматривавшим дела по первой инстанции. При этом новая судебная система состояла всего из двух звеньев, контролируемых Наркомюстом.

¹ Положение НКЮ об отделах Народного Комиссариата Юстиции от 26 ноября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 90. Ст. 465.

² Положение ВЦИК о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

³ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 64.

⁴ Цит. по: Лёзов И.Л. Указ. соч. С. 53.

Второе звено — губернские советы народных судей — ведало исключительно вопросами обжалования судебных решений. Их пересмотр в силу *отказа от апелляции* осуществлялся в кассационном порядке. Это означало, что вникать в существо дела должны были только народные суды. Советы народных судей, как правило, проверяли лишь наличие существенных нарушений закона и в случае их обнаружения «передавали дело для вторичного рассмотрения».

Надо сказать, что единство нового суда не было безусловным. Ему противопоставлялась другая значимая идея, согласно которой система ординарных судов была непригодна для борьбы с преступлениями, подрывавшими советскую государственность. Именно этим обосновывалось создание органов **политической юстиции**¹, действовавших под эгидой борьбы с контрреволюцией и укрепления диктатуры пролетариата. К их числу можно отнести как особые *судебные* органы (революционные трибуналы), так и *чрезвычайные органы внесудебной репрессии* (чрезвычайные комиссии).

Говоря об организации народного суда, нельзя не упомянуть и об отношении советской юриспруденции к вопросу его **состава**. С одной стороны, дореволюционный суд присяжных был решительно отвергнут как «политическая сделка между умирающим дворянством и восходившей к власти буржуазией»². С другой стороны, подлинно *народным* новый суд мог стать лишь при условии непосредственного участия народа в отправлении правосудия.

Выход был найден во внедрении альтернативной модели: суда *шеффенского* типа, «с присущим ему равноправием постоянно-го судьи и судей-заседателей»³. Лишь такой состав, по мнению первого наркома юстиции РСФСР Д.И. Курского, мог судить творчески, не впадая в косность и избегая готовых формул⁴. Воплощением этой идеи стал институт **народных заседателей**, введенный декретами о суде и развитый последующим законо-

¹ Подробно об этом явлении см.: *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002.

² *Вышинский А.Я.* Указ. соч. С. 141.

³ *Полянский Н.Н.* Указ. соч. С. 57. О различных моделях участия граждан в отправлении правосудия см. § 3.3 главы 5 и § 2 главы 7 настоящего учебника.

⁴ См.: *Курский Д.И.* Основы революционного суда // Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 15.

дательством. Согласно ст. 8 Положения 1918 г. основной состав народного суда включал *постоянного народного судью и двоих очередных народных заседателей*.

Наконец, существовали еще две важные идеи, связанные с судебским статусом. Во-первых, отказ от независимости судебной власти привел к провозглашению **сменяемости народных судей**. Члены нового суда могли быть в любое время отозваны избравшими их советами или исполкомами. Во-вторых, требование о *профессионализме* судей сменилось началом **классовости**. Поскольку ссылки на законы «свергнутых правительств» в судебных решениях воспрещались, а советское законодательство пребывало в зачаточном состоянии, суды в своей деятельности должны были руководствоваться *«социалистическим правосознанием»*¹. Разумеется, таким правосознанием могли обладать только представители «правящего класса». Именно поэтому от народных судей требовались не «глубокие юридические познания», а «лишь одно общее ознакомление с законодательством советской власти и глубокая преданность рабоче-крестьянскому классу»².

Таковы основные начала, определявшие систему советского суда на раннем этапе. Впрочем, в чистом виде они существовали недолго. Уже в 1921 г. было объявлено о переходе к *новой экономической политике*, основанной на отдельных уступках «буржуазной» идеологии. Это решение имело колоссальное значение для развития отечественного права. Многие начала и институты, прежде отвергнутые как устарелые и несовместимые с идеалами революции, были реабилитированы. Широкую популярность обрел тезис о том, что различие между старым и новым правом лежит не столько в формулировке принципов, сколько в их реализации.

Развитие судоустройства в период нэпа целиком протекало в русле отмеченных тенденций. Выдвинутые ранее идеи о «правильной» организации суда были во многом переосмыслены. В 1922 г. было положено начало новой **судебной реформе**. В мае

¹ По признанию П.И. Стучки, в основу идеи «социалистического правосознания» легло учение Л.И. Петражицкого об интуитивном праве (*Стучка П.И. Указ. соч. С. 10*). По сути, речь шла о том, что при наличии пробелов следовало принимать интуитивно верное решение.

² Цит. по: *Лёзов И.Л. Указ. соч. С. 40*.

этого года были восстановлены органы адвокатуры¹ и прокуратуры², а в ноябре было принято первое *Положение о судостроительстве*³.

Важнейшим изменением, на десятилетия определившим структуру судебной системы, стал **частичный отказ от идеи единого народного суда**. С одной стороны, деление судебных органов на местные и общие осталось в прошлом, и в этом смысле их система по-прежнему оставалась единой. С другой стороны, народный суд перестал быть единственным звеном, рассматривавшим дела по существу. Новая система была трехзвенной: народные суды — губернские суды — Верховный Суд РСФСР. Каждый из этих судов имел собственную подсудность, рассматривая различные дела по первой инстанции. При этом правило о невозможности апелляции оставалось нерушимым на протяжении всего советского этапа⁴. Пересмотр решений, по Положению 1922 г., производился в порядке кассации или надзора в губернских судах и Верховном Суде РСФСР.

Последующее усложнение отечественной судебной системы было вызвано *образованием Союза ССР* в том же 1922 г. В 1923 г. появилось первое Положение о Верховном Суде СССР⁵. Первоначально этот орган был полностью автономным: согласно подп. «а» п. «Б» ст. 2 Положения он не пересматривал, а лишь опротестовывал решения верховных судов Союзных Республик в Президиум ЦИК СССР. Однако уже к середине 1930-х годов Верховный Суд СССР возглавил единую союзную судебную систему, структура которой на протяжении всего советского этапа оставалась практически неизменной⁶.

¹ Положение ВЦИК об адвокатуре от 26 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

² Положение ВЦИК о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

³ Положение ВЦИК о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁴ Впрочем, с годами советская кассация претерпела немало изменений, приобретя целый ряд признаков, свойственных классической апелляции (подробнее см.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2017. С. 1074).

⁵ Положение Президиума ЦИК СССР о Верховном Суде СССР от 23 ноября 1923 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

⁶ Серьезным изменениям подверглась, пожалуй, лишь подсистема специализированных судов, количество которых с течением времени неуклонно сокращалось.

Серьезным изменениям в ходе судебной реформы подверглись также органы **политической юстиции**. С принятием Положения 1922 г. революционные трибуналы были ликвидированы. В том же году произошло и упразднение чрезвычайных комиссий. Однако развитие политической юстиции на этом не остановилось. Различные органы внесудебной репрессии («двойки», «тройки», «особые совещания» и др.) функционировали на протяжении еще трех десятилетий, оставив неизгладимый след в отечественной истории. Лишь в 1953 г. с упразднением Особого совещания при МВД СССР Президиум ЦК КПСС постановил, что «все дела о совершенных преступлениях рассматриваются только в судебных органах»¹.

Еще одна тенденция, намеченная в 1922 г., заключалась в переосмыслении вопроса о **независимости суда**. Как отмечал Н.Н. Полянский, к этому времени никем уже не оспаривалось, что последовательное проведение начала «объединения органов суда и органов управления установлением зависимости первых от вторых» привело к самым неблагоприятным результатам². Следуя этим настроениям, разработчики Положения о судоустройстве предприняли первые шаги по укреплению самостоятельности суда. В частности, контрольные полномочия Наркомюста были переданы Верховному Суду РСФСР. Наряду с этим произошло **ограничение начала сменяемости**. ОтзЫв народного судьи по политическим мотивам стал возможен лишь по решению губернского исполкома, согласованному с Наркомом Юстиции. Смещение же за порочащий поступок допускалось лишь по решению суда или соответствующей дисциплинарной коллегии.

Впрочем, начало независимости суда и разделения властей на советском этапе так и не было восстановлено. Последующее законодательство демонстрирует колебания между двумя противоположными идеями. С одной стороны, Конституция СССР 1936 г. закрепила принцип независимости судей и их подчинения только закону, а также ввела начало непосредственности их выборов, ослабив тем самым влияние исполкомов³.

¹ Постановление Президиума ЦК КПСС об упразднении особого совещания при МВД СССР от 1 сентября 1953 г. // Реабилитация: как это было: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 69–70.

² Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 64–65.

³ См. ст. 109 и 112 Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283).

С другой стороны, органы юстиции по-прежнему сохраняли различные рычаги воздействия на суд¹. Кроме того, с течением времени происходил всё больший отход от начала полноты судебной власти².

Одно из самых ярких изменений, проявивших себя в период нэпа, связано с заменой идеи революционного правосознания принципом *социалистической законности*. Главной причиной этому стала активная законотворческая деятельность, приведшая к принятию целого ряда советских кодексов³. Заполняя пробелы в действовавшем праве, советский законодатель оставлял всё меньше простора для обращения к судейскому правосознанию. К тому же становилось понятно, что для грамотного применения принятых кодексов одной только классовой благонадежности было недостаточно.

Результатом произошедших изменений стало признание важности юридического образования⁴, а также более лояльное отношение к юристам «старого режима». Впрочем, отмена «классового ценза» для кандидатов в судьи произошла лишь в 1936 г., а появление образовательного ценза и вовсе приходится на период перестройки. Однако эта задержка объясняется главным образом отсутствием достаточного количества компетентных кадров. Показательно, что доля судей, имевших юридическое образование, с годами только росла.

Рассмотренные ранее начала «социалистического» судоустройства, заложенные в первые десятилетия после революции, сохраняли свое значение на протяжении всего советского этапа. Большинство преобразований, состоявшихся в XX столетии, проходило в русле обозначенных идей, след которых виден и в современном российском судоустройстве. В частности, это было

¹ Впрочем, с принятием «сталинской» Конституции возможности законного влияния исполнительных органов на деятельность судов были несколько ограничены. Достаточно вспомнить тот факт, что Председатель Верховного Суда, наконец, перестал быть чиновником Наркомюста. Ранее он почти восемь лет (с 1928 по 1936 г.) являлся по должности заместителем Наркома Юстиции.

² Подробнее об этом см. § 7 главы 3 настоящего учебника.

³ Например, только в 1922 г. было проведено сразу шесть кодификаций, приведших к изданию уголовного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, гражданского и земельного кодексов, а также Кодекса законов о труде РСФСР.

⁴ Показательным примером стало создание в 1925 г. факультета советского права 1-го МГУ взамен учрежденного в 1919 г. факультета общественных наук.

характерно для «судебной реформы»¹, произошедшей на рубеже **1950–1960-х годов**. По сути, речь шла не столько о коренных преобразованиях, сколько о «*нормализации*» судебной системы в установленных ранее идеологических границах.

Так, именно в этот период произошло упомянутое ранее свертывание чрезвычайной юстиции, а также был предпринят ряд мер по укреплению независимости судов². Другой важной тенденцией стала некоторая децентрализация судебной системы, проявившаяся в ограничении вопросов ведения общесоюзного законодателя и компетенции Верховного Суда СССР. В 1958 г. действовавший ранее Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. был заменен соответствующими *Основами законодательства*³. При этом детализация судоустройственных вопросов была отдана на откуп республиканским законодателям, что привело к принятию другого немаловажного акта: *Закона о судоустройстве РСФСР от 27 октября 1960 г.* В остальном же проведенная реформа оказалась вполне консервативна, продемонстрировав самое бережное отношение к раннему советскому наследию.

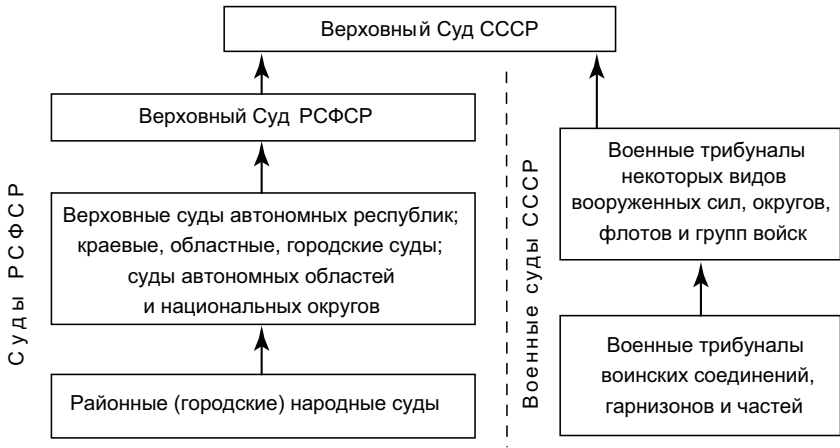
Это же можно сказать и о реформе, последовавшей за принятием «брежневской» Конституции СССР **1977 г.** Сразу после этого был принят целый ряд значимых законов, таких как Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР» от 8 июля 1981 г., а также Законы СССР от 30 ноября 1979 г. «О Государственном арбитраже в СССР», «О прокуратуре СССР» и «Об адвокатуре в СССР». Однако отмеченное «обновление» советского законодательства не повлекло серьезных сущностных изменений в области судоустройства.

¹ С учетом умеренности предпринятых изменений использование термина «судебная реформа» в данном случае достаточно условно, однако он встречается в работах как российских, так и зарубежных исследователей (см., например: *Серов Д.О.* Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956–1964 годов // Вестник НГУ. Серия: Право. 2006. Т. 2. Вып. 2. С. 43–53; *Ginsburgs G.* Soviet Court Reform, 1956–1958 // *Soviet Law after Stalin* / Ed. by D. D. Barry, G. Ginsburgs, P. B. Maggs. Part I. Leyden, 1977. P. 77–104).

² Наиболее яркой из них стала ликвидация в 1956 г. системы Минюста СССР, восстановленного лишь в 1970 г.

³ Основы законодательства о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 12. Вопросы функционирования военных судов регулировались отдельным Положением о военных трибуналах от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 14.

Российская судебная система во второй половине XX в.

Таким образом, для судебной системы на советском этапе характерны две важные тенденции. С одной стороны, желание максимально дистанцироваться от «царского режима» приводило к отказу от прежних начал и попытке формирования собственных, «социалистических» принципов. С другой стороны, окончательный уход от идеалов пореформенного суда оказался невозможен, поскольку он неизбежно вел бы к деградации судебной системы. В результате законодатель постоянно пытался совместить несовместимое: обеспечить самостоятельность суда, сохраняя его связь с исполнительными органами; добиться независимости судей, допуская возможность их отъезда; повысить их компетентность, отрицая необходимость образовательного ценза и т.д. Желание «усидеть на двух стульях» влекло за собой хаотичность предпринимаемых изменений, которые в целом приводили лишь к деформации суда.

Официальное признание реальности скопившихся противоречий и необходимости их преодоления произошло только к концу советского этапа, когда на XIX Всесоюзной конференции КПСС в 1988 г. была принята резолюция «О правовой реформе»¹. Хотя вслед за этим последовало издание целого ряда законов,

¹ Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС «О правовой реформе» от 1 июля 1988 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 15. М., 1989. С. 651–654.

направленных на преобразование судебной системы, ее реальное реформирование пришлось уже на следующий, постсоветский этап.

§ 5. Развитие науки о судоустройстве и правоохранных органах в советский период

Советский этап является важнейшим и наиболее насыщенным на события для науки судоустройства. Сложно сказать, в какой мере эти события связаны со спецификой советского периода истории нашей страны как такового, а в какой — отражают объективные закономерности развития науки судоустройства безотносительно к политическим пертурбациям. Пожалуй, здесь есть и один, и другой аспекты.

После завершения периода политической и судоустройственной турбулентности первых лет советской власти, который был рассмотрен в предыдущем параграфе этой главы, и начала законодательных работ по установлению советской судебной системы возродилась и научная деятельность в сфере судоустройства и судопроизводства, с одной стороны, вынужденная в той или иной мере опираться на дореволюционное наследие, но с другой — искавшая новое качество, соответствующее советской идеологии.

С точки зрения развития интересующей нас области науки почти сразу был взят курс на *автономизацию* судоустройства, его отделение от уголовного и гражданского судопроизводства, который оставался неизменным на протяжении примерно 30 лет (до начала 1950-х годов). Именно в этот момент наука судоустройства стала по-настоящему самостоятельной, перестав быть лишь «первым томом» обширного анализа уголовного и гражданского судопроизводства с необходимостью выделять судопроизводство в широком смысле (судоустройство + процесс) и судопроизводство в узком смысле (только процесс). Так, уже в 1923 г. в г. Москве выходит фундаментальная работа известного советского юриста Н.В. Крыленко «*Судоустройство в РСФСР (лекции по теории и истории судоустройства)*», значение которой трудно переоценить. Речь шла, по сути, о первом отечественном труде, посвященном исключительно судоустройству. Тогда же судоустройство начинает преподаваться в высших учебных заведениях юридического

профиля в качестве самостоятельной юридической дисциплины и безотносительно к различным видам процесса (уголовному и гражданскому)¹.

В чем причина столь резкого курса на автономизацию судоустройства, взятого советской наукой? *С одной стороны*, здесь проявилась, конечно, логика развития, заложенная еще до 1917 г.², которую в определенном смысле можно считать даже универсальной. Не случайно, что автономные научные и учебные дисциплины, напоминающие отечественное судоустройство, постепенно стали появляться и в других европейских странах³.

С другой стороны, существуют, разумеется, и внутренние факторы, обусловившие резкую автономизацию науки судоустройства именно на заре советского периода отечественной истории (1920-е годы). Можно выделить два таких фактора, один из которых является конституционно-политическим (ключевым или первичным), а другой — доктринально-техническим (вспомогательным или вторичным).

Первый (конституционно-политический) фактор заключался в стремлении советской власти построить «с нуля» новое государство и новый суд, в силу чего стало невозможным выводить судоустройство из судопроизводства, как это концептуально делалось раньше. Советские теоретики прекрасно понимали, что «судопроизводство... теснейшим образом связано с *судоустройством*: если 2-е дает нам систему органов юстиции в их *статическом* состоянии, то 1-е имеет дело с этой же системой *в движении*, представляет *динамику* этой системы», в силу чего «судоустройство и излагается обыкновенно как элемент процесса»⁴. Но понимали они, оказавшись в условиях нового судебного строительства, и то, что «хотя всякий *орган* так или иначе приспособляется к своей *функции*, но тем не менее ясно, что *система судоустройства в целом* не может быть выведена из норм,

¹ Применительно к МГУ см., например: *Головко Л.В., Ильютченко Н.В.* Советский период развития уголовно-процессуальной науки в Московском университете: между Судебной реформой 1864 г. и современностью // Великая реформа: К 150-летию Судебных Уставов. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головко. М., 2014. С. 297–299.

² См. § 3 данной главы.

³ См. об этом § 1 главы 1 настоящего учебника.

⁴ *Эстрин А.* Судопроизводство (уголовное) // Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. 3. М., 1930. С. 822–823.

определяющих собою судопроизводство... а, наоборот, являясь частью *конституции* (в широком смысле) данного государства, сама-то прежде всего и вносит в область судопроизводства дух... проникающий собою всю эту конституцию»¹. Иначе говоря, теоретическим основанием судоустройства должны являться не *горизонтальные* связи (судоустройство ↔ судопроизводство), а связи *вертикальные* (конституционно-политическое устройство + идеология → судоустройство). Первое возможно в условиях стабильного государства, где конституционный порядок установлен давно, а суд развивается эволюционно, но исключено там, где государство только строится вместе с судом как одним из его ключевых элементов.

Закономерно, что много лет спустя, после 1991 г., когда опять начнется строительство нового государства и нового суда, это вновь приведет к резкому росту интереса к судоустройству как автономной научной дисциплине, появлению соответствующих учебников, переименованию ряда процессуальных кафедр в кафедры судебного права или судебной власти, попыткам обосновать научный приоритет судоустройства над процессом, реанимировать идею судебного права и т.д. Впрочем, к этому мы еще вернемся.

Второй (доктринально-технический) фактор связан с наблюдавшимся в тот же период стремительным развитием доктрины судебного права, которая, разумеется, имела не самостоятельный, но вспомогательный характер, теоретически обеспечивая научную автономизацию судоустройства. Смысл доктрины судебного права, помогавшей не только автономизировать судоустройство, но и сохранять необходимую координацию последнего с судопроизводством, не позволяя чрезмерно отдалять одно от другого, сводился к тому, что судоустройство остается общим для уголовного и гражданского процессов. В связи с этим, с одной стороны, судоустройство отделяется от процессов, но с другой — «входит в систему советского судебного права»², которое, в свою очередь, «делится на три составные части: а) судоустройство, б) уголовно-процессуальное право, в) граждан-

¹ Там же. С. 823.

² Ривлин А.Л. Преподавание курса судоустройства в юридических институтах // Советская юстиция. 1940. № 2. С. 13.

ско-процессуальное право»¹. Иначе говоря, доктрина судебного права, во-первых, позволяла рассматривать судоустройство как элемент не судопроизводства, а более высокой надстройки — судебного права, где судоустройство занимает не просто равное с судопроизводством (ранее оно им поглощалось), но «исходное положение»². Во-вторых, доктрина судебного права давала возможность объединить «под одной крышей» и оба классических вида судопроизводства: гражданское и уголовное, подчинив их оба единой судоустройственной логике.

Ясно, что роль конституционно-политического фактора, сыгравшего для автономизации науки судоустройства колоссальную роль в 1920-е годы, постепенно снижалась пропорционально стабилизации системы советского суда. Имелись для этого фактора и свои «естественные» для того времени границы, поскольку о разделении властей, появлении подлинно независимого суда, самостоятельности судебной власти и т.п. речь тогда, конечно, не шла и идти не могла. Выполнив свою миссию, теоретический поиск вертикальных связей между конституционным порядком и новым «народным» судом получил отражение в советских конституциях, после чего по сути был исчерпан.

После утраты «живой» и политически актуальной опоры в виде поисков нового конституционного порядка и новой формы суда науке судоустройства ничего не оставалось, кроме как черпать теоретическое обоснование своей автономии исключительно в теории судебного права. Именно в этом состоял основной нерв научных дискуссий в 1930–1940-е годы. Большинство видных ученых отстаивало идеи судебного права и автономии судоустройства (А.Я. Вышинский, М.С. Строгович, С.А. Голунский, Н.Н. Полянский и др.)³. Другие, среди которых наиболее видное место занимал проф. М.А. Чельцов-Бебутов, резко критиковали теорию судебного права, полагая в дореволюционном духе, что судоустройство должно быть частью уголовно-процессуального и гражданского процессуального права, поскольку нельзя анализировать организацию суда в отрыве от его деятельности, а близость гражданского и уголовного

¹ Карев Д.С. Судоустройство. М., 1948. С. 11.

² Ривлин А.Л. Указ. соч. С. 13.

³ См.: Карев Д.С. Указ. соч. С. 10.

судопроизводства является сильно преувеличенной и касается лишь отдельных положений¹.

Ко второй половине 1940-х годов эти научные подходы сформировались окончательно, выразившись в теоретическое противоборство двух линий дальнейшего развития. Сторонники *первой* из них настаивали на необходимости свертывания автономии науки судоустройства и восстановления судоустройственного материала в рамках наук гражданского и уголовного процессов с расширением последних. Сторонники *второй* им категорически возражали, отстаивая «признание единства процессуального права, единства судопроизводства», из чего в судоустройственном смысле «следует, что правовые формы, регулирующие советское судоустройство и оба вида судопроизводства (уголовное и гражданское), образуют единство, сложный комплекс, единую и в то же время сложную отрасль советского права, которую можно назвать процессуальным правом или *судебным правом*»². Иначе говоря, судоустройство должно оставаться автономным, но не само по себе, а в рамках доктрины единого судебного права, становление которого должно завершиться получением общепризнанного места в системе права.

На определенном этапе показалось, что сторонники первого подхода одержали верх. Это в тот момент смотрелось бы даже органично, учитывая определенную реставрацию классических несоветских правовых и государственных подходов, имевшую место в 1940-х годах, прежде всего в условиях Великой Отечественной войны, когда идеология коммунистического интернационализма естественным образом сменилась патриотизмом и востребованностью других ценностей. Именно тогда вместе с восстановлением «старых» офицерских воинских званий, георгиевских лент на некоторых орденах, погон, министерств (вместо народных комиссариатов) и т.п. были одновременно восстановлены юридические факультеты в рамках университетов, преподавание на них римского права и некоторые другие атрибуты прежнего правового режима, казалось бы, навсегда похороненные в нашей

¹ См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Советский уголовный процесс. Вып. II. Харьков, 1929. С. 18–19; см. также позицию М.А. Чельцова-Бебутова в обобщенном виде: *Карев Д.С.* Указ. соч. С. 11.

² *Строгович М.С.* Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 106–107.

стране вместе с революционными событиями 1917 г. В связи с этим нет ничего удивительного, что осенью 1944 г. был «поставлен вопрос о ликвидации судоустройства как самостоятельной дисциплины и слиянии ее с курсами уголовного и гражданского процесса»¹, т.е. восстановления того положения, которое имело место до 1917 г. Ликвидация не состоялась, однако сама дисциплина осталась в подвешенном состоянии, поскольку «согласно указаниям Управления учебными заведениями НКЮ СССР, судоустройство не было включено ни в одну из кафедр», что вызвало уже требование воспрянувших сторонников противоположного подхода включить его в «кафедру судебного права»².

Какое-то время научно-теоретическая борьба вокруг судоустройства еще продолжалась, но недолго. Самое парадоксальное, что поражение в ней к началу 1950-х годов потерпели сторонники обеих непримиримых точек зрения: судоустройство так и не вернулось в курсы уголовного и гражданского процессов, но и теория судебного права дальнейшего развития не получила, будучи на долгие годы предана забвению.

В результате наука судоустройства автономию сохранила, но лишилась последней теоретической подпорки в виде доктрины судебного права. В таком состоянии долго она просуществовать не могла, поскольку вне прямой связи с уголовным и гражданским судопроизводством или хотя бы неким судебным правом немедленно рассыпалась идея судоустройства в широком смысле, обнимающего также организацию органов расследования, прокуратуры, адвокатуры, чье нахождение «внутри» науки судоустройства можно объяснить лишь через процессуальные механизмы, когда их деятельность «связана с судом и направлена на содействие суду в осуществлении правосудия»³.

Начались долгие годы «мытарств» и «блужданий», в ходе которых судоустройство утратило наименование, статус отрасли права в системе права, самостоятельной науки и т.д. Сохранились разве что само правовое понятие и уважение к нему, периодически проявлявшееся в наименовании некоторых законодательных актов советского периода.

¹ Ривлин А. Преподавание судоустройства в юридических институтах // Социалистическая законность. 1945. № 7. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Строгович М.С. Указ. соч. С. 108.

Так, уже в 1954/55 учебном году в учебный план юридических факультетов университетов вносится изменение, в соответствии с которым курс судоустройства заменяется курсом «Организация суда и прокуратуры в СССР», а наряду с ним вводится курс «Прокурорский надзор в СССР»¹. Почти одновременно появляется и первый учебник по переименованной дисциплине, принадлежащий перу профессора Д.С. Карева², а вскоре и первый учебник по прокурорскому надзору³. Д.С. Карев пытается еще утверждать в новом учебнике, что организация суда и прокуратуры — это самостоятельная отрасль права, являющаяся «частью советского судебного права»⁴, но скорее по инерции. Как справедливо отметил профессор М.С. Строгович, если исходить из того, что речь идет лишь о поиске оптимального наименования, то «новое наименование не лучше, а хуже прежнего наименования судоустройства», поскольку называет прокуратуру, но не называет, допустим, адвокатуру⁵. Но дело здесь, конечно, не только в наименовании.

Именно М.С. Строгович был тем ученым, который до конца отстаивал науку судоустройства, пусть и в более широком и достаточно спорном контексте доктрины судебного права. Однако его призыв, что «нет никаких оснований отказываться от понятия судоустройства и следует его восстановить»⁶ для обозначения соответствующей отрасли науки и учебной дисциплины, услышан не был. В таких условиях серьезных научных перспектив у «организации суда и прокуратуры», конечно, не существовало, что не всегда благоприятно сказывалось на изучении проблем судоустройства, особенно на фоне бурного развития в тот же период науки прокурорского надзора. Переименование в конце 1970-х годов дисциплины «Организация суда и прокуратуры» в дисциплину «Суд и правосудие в СССР» имело значение лишь с точки зрения учебного процесса. В научном смысле оно, разумеется, ничего не изменило, да и не претендовало на это.

¹ *Шебанов А.Ф.* Улучшить подготовку юридических кадров // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 12.

² *Карев Д.С.* Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954.

³ *Тадевосян В.С.* Прокурорский надзор в СССР. М., 1956.

⁴ *Карев Д.С.* Указ. соч. С. 3, 14.

⁵ *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 108.

⁶ Там же. С. 109.

Исследования тех или иных судоустройственных вопросов продолжились, конечно, и после событий 1950-х годов, особенно в период принятия Конституции СССР 1977 г., основанных на ней законодательных актов. Выходили научные статьи, монографии, в том числе коллективные. Многие из них отражали высокий уровень научного анализа¹. Однако общая система науки судоустройства в этот период отсутствовала, до конца не ясны были не только ее объем, пределы, но и наименование, если где-то и сохранявшееся, то скорее в виде наследия прежних этапов развития (дореволюционного и раннего советского). Непреодоленной оставалась и проблема судоустройства в «широком смысле», т.е. теоретической возможности и необходимости рассматривать здесь в научном смысле организацию не только судов, но и прокуратуры, адвокатуры, органов расследования.

В такой ситуации на излете советской эпохи возникает и начинает бурно развиваться теория *правоохранительных органов*, которая дает новый импульс исследованиям по организации судов, но под другим углом зрения — как центрального правоохранительного органа. Это позволяет рассматривать здесь организацию и других органов, способствующих правосудию (прокуратура, адвокатура и т.п.), но не как «судебных», а как «правоохранительных». Концепция правоохранительных органов получает официальный статус в 1988 г., когда наименование многострадальной учебной дисциплины вновь изменяется — с так и не прижившегося «Суда и правосудия в СССР» на «Правоохранительные органы». В каком-то смысле можно сказать, что концепция правоохранительных органов является последней крупной советской научной разработкой в интересующей нас сфере, завершившей период теоретического «безвременья», длившийся около 30 лет². Причем речь идет о разработке удачной и долговременной, учитывая, что она без труда пережила распад СССР.

Одновременно с началом в СССР серьезных политических изменений (так называемая «перестройка») и объявлением в

¹ См., например: Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1981.

² «Специальные исследования по проблеме понятия, классификации правоохранительных органов появились только в 80-е годы... До этого указанная проблема рассматривалась попутно в отдельных работах по вопросам законности и правопорядка, управления и правового воспитания» (*Братко А.Г.* Правоохранительная система (вопросы теории). М., 1991. С. 78).

конце 1980-х годов о начале крупной судебной реформы вновь возрождается конституционно-политический фактор, способствующий развитию науки судоустройства и превращающий ее в острую необходимость. На этот раз речь идет о таких политических концепциях, которые заставляют вспомнить не только о судоустройстве, но и о разделении властей, независимости судов, особом статусе судей, а вместе с ними и о забытой, казалось бы, идее судебного права, которое могло бы в качестве некоей универсальной теоретической «оболочки» принять на себя формирование нового содержания, т.е. очередного «нового суда».

Дальнейшее развитие проходит через призму борьбы двух окончательно сформировавшихся к концу 1980-х годов научных школ — школы «правоохранительных органов» и школы «нового суда», каждая из которых предложила свое видение учения о суде и места этого учения в системе юридической науки. Впрочем, сугубо академическое противостояние данных научных направлений относится уже к постсоветскому (современному) периоду развития отечественного правоведения, который неразрывно связан с проводимой в нашей стране на протяжении трех десятилетий судебной реформой.

§ 6. Современная судебная реформа и постсоветское развитие судоустройства и правоохранительных органов

Строго говоря, эпоха радикального реформирования суда и иных правоохранительных органов началась в нашей стране не с распадом СССР, а раньше — на излете советского государства, в завершающий период его существования. Иными словами, ее старт связан не столько с переходом от одного конституционного порядка (СССР) к другому (современная Российская Федерация), сколько с общей либерализацией политической жизни (так называемая перестройка, объявленная М.С. Горбачевым после его прихода к руководству страной в 1985 г.), децентрализацией власти и ослаблением роли КПСС, поиском «сдержек и противовесов», новым взглядом на место суда в государственном механизме и т.д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Авторский коллектив</i>	3
<i>Предисловие</i>	5
Глава 1. Предмет и основные понятия дисциплины: «судоустройство» и «правоохранительные органы»	8
§ 1. Судоустройство и судопроизводство. Понятие судоустройства и его эволюция	8
§ 2. Судоустройство в узком и судоустройство в широком (теория полноты судебной власти) смыслах	13
§ 3. Понятие правоохранительной деятельности и правоохранительных органов: их становление и эволюция	17
§ 4. Дискуссия о месте суда в системе правоохранительных органов	21
§ 5. Вектор развития дисциплины: судоустройство или правоохранительные органы? Критерий решения проблемы	23
§ 6. Структура дисциплины и ее соотношение с другими юридическими учебными (научными) дисциплинами	26
Глава 2. Основные этапы развития судебной системы и науки судоустройства в России.	28
§ 1. Судебная система России до Судебной реформы 1864 г.	28
§ 2. Судебная реформа 1864 г. и ее значение	36
§ 3. Развитие науки о судоустройстве в дореволюционный период	43
§ 4. Эволюция судебной системы в советский период	47
§ 5. Развитие науки о судоустройстве и правоохранительных органах в советский период	57
§ 6. Современная судебная реформа и постсоветское развитие судоустройства и правоохранительных органов	65
§ 7. Современная наука о судоустройстве и правоохранительных органах	72
Глава 3. Судебная власть	78
§ 1. Понятие и признаки судебной власти	78
§ 2. Проблемы независимости судебной власти: судебная власть в рамках государства или судебная власть как противовес государству?	83
§ 3. Судебная власть и гражданское общество	87

§ 4. Правосудие: понятие и эволюция	90
§ 5. Правосудие и виды судопроизводства	93
§ 6. Полномочия судебной власти и их развитие	95
§ 7. Полнота судебной власти и способы ее обеспечения	98
Глава 4. Источники права, регулирующие судоустройство и деятельность правоохранительных органов	101
§ 1. Общая характеристика и критерии классификации источников права	101
§ 2. Иерархия источников права в зависимости от их юридического значения	103
2.1. Конституция РФ и ее юридическое значение.	103
2.2. Международные правовые акты и их юридическое значение.	106
2.3. Законы Российской Федерации и законы субъектов Российской Федерации	110
2.4. Нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ.	113
2.5. Ведомственные и иные подзаконные нормативные правовые акты	114
§ 3. Акты судебной власти и их особая природа	116
§ 4. Характеристика источников права в зависимости от предмета регулирования	118
4.1. Акты о судебной власти	118
4.2. Акты об органах прокуратуры и прокурорском надзоре	121
4.3. Акты о пресечении, раскрытии и расследовании преступлений	121
4.4. Акты о юридической помощи.	122
4.5. Акты об альтернативных способах разрешения правовых споров	123
Глава 5. Принципы организации и деятельности судебной власти	124
§ 1. Понятие, значение и классификация принципов организации и деятельности судебной власти	124
§ 2. Общеправовые принципы в сфере организации и деятельности судебной власти	127
2.1. Обеспечение права на судебную защиту.	127
2.2. Равенство всех перед законом и судом	129
2.3. Законность	130
2.4. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина, уважения его чести и достоинства, неприкосновенность личности при осуществлении правосудия.	133
2.5. Принцип справедливости.	135
§ 3. Принципы организации судебной власти (судоустройства)	140
3.1. Независимость судебной власти — ключевой принцип ее организации и деятельности.	140

3.2. Сочетание единоличного и коллегиального начал при рассмотрении судебных дел	145
3.3. Участие граждан в отправлении правосудия	147
§ 4. Основные межотраслевые принципы судопроизводства.	150
4.1. Гласность судопроизводства и открытость судебной деятельности.	150
4.2. Состязательность и равноправие сторон	154
4.3. Язык судопроизводства.	156
4.4. Разумный срок судопроизводства.	157
§ 5. Отдельные принципы уголовного судопроизводства	159
5.1. Презумпция невиновности.	159
5.2. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту	161
Глава 6. Основы учения о судебной системе	163
§ 1. Подходы к организации судебной системы в федеративных государствах: единство и дуализм судебной системы (по вертикали)	163
§ 2. Действие принципа единства судебной системы в Российской Федерации: федеральные суды и суды субъектов Федерации	166
§ 3. Подходы к решению вопроса о различных ветвях судебной системы: единство и дуализм судебной системы (по горизонтали)	171
§ 4. Суды общей юрисдикции и специализированные суды: критерии разграничения. Проблема чрезвычайных судов	176
§ 5. Проблема специализированных судов в Российской Федерации	182
5.1. Вопрос об арбитражных судах	183
5.2. Вопрос о военных судах	185
5.3. Дискуссии о введении иных специализированных судов в РФ	187
§ 6. Единство гражданской и уголовной юстиции	189
§ 7. Подведомственность и подсудность: характеристика понятий.	193
§ 8. Звено судебной системы и судебная инстанция: разграничение понятий	198
§ 9. Система судебных звеньев и инстанций в Российской Федерации	204
Глава 7. Основы учения о статусе судей	211
§ 1. Понятие статуса судьи: судоустройственный и судопроизводственный (процессуальный) аспекты	211
§ 2. Профессиональные и непрофессиональные судьи: различные модели правосудия	214
§ 3. Статус судей как механизм обеспечения их независимости и беспристрастности	219

§ 4. Теоретические подходы к формированию профессионального судейского корпуса: назначение и выборность судей.	223
4.1. Выборность судей как политический механизм	223
4.2. Назначение судей как правовой механизм	226
§ 5. Гарантии независимости судей.	230
5.1. Неприкосновенность судей.	230
5.2. Несменяемость судей	232
§ 6. Неиерархический характер судебной деятельности	234
§ 7. Профессиональный судейский корпус и судейское сообщество	238
Глава 8. Мировая юстиция	241
§ 1. Соотношение понятий «мировой судья», «мировой суд» и «мировая юстиция». Терминологические дискуссии	241
§ 2. Правовые модели организации мировой юстиции	243
§ 3. Основные подходы к мировой юстиции и периодизация ее развития в России	246
§ 4. Мировая юстиция в Российской империи	247
§ 5. Мировая юстиция в современной России	250
§ 6. Формирование корпуса мировых судей	253
§ 7. Полномочия мировых судей	256
Глава 9. Система федеральных судов общей юрисдикции	260
§ 1. Общая характеристика федеральных судов общей юрисдикции	260
§ 2. Полномочия и структура федеральных судов общей юрисдикции	261
2.1. Судебные полномочия и структура федеральных судов общей юрисдикции	261
2.2. Иные полномочия федеральных судов общей юрисдикции	271
§ 3. Председатель федерального суда общей юрисдикции, председатели судебных коллегий федеральных судов общей юрисдикции, их полномочия	271
§ 4. Аппарат федерального суда общей юрисдикции	273
Глава 10. Административная юстиция	278
§ 1. Понятие и концептуальные основания административной юстиции	278
§ 2. Сравнительно-правовые подходы к организации административной юстиции	289
§ 3. Генезис административной юстиции в России и перспективы ее развития	296
§ 4. Роль судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов в осуществлении функций административной юстиции	303

Глава 11. Военные суды	308
§ 1. Возникновение и причины автономии военных судов.	308
§ 2. Компетенция (подсудность) военных судов	313
§ 3. Система военных судов.	317
§ 4. Характеристика отдельных звеньев системы военных судов .	320
4.1. Гарнизонные военные суды	320
4.2. Окружные (флотские) военные суды	322
4.3. Апелляционный военный суд	324
4.4. Кассационный военный суд	326
4.5. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ	328
Глава 12. Арбитражные суды	331
§ 1. Теоретические и исторические причины автономии арбитражных судов	331
§ 2. Компетенция (подведомственность) арбитражных судов. Разграничение компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.	335
§ 3. Система арбитражных судов.	341
3.1. Арбитражные суды уровня субъектов Российской Федерации . .	342
3.2. Арбитражные апелляционные суды	345
3.3. Арбитражные суды округов (кассационные арбитражные суды).	346
3.4. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ	347
3.5. Суд по интеллектуальным правам (СИП)	348
Глава 13. Верховный Суд РФ	350
§ 1. Высшая судебная инстанция: теоретические и сравнительно-правовые подходы.	350
1.1. Особая роль в судебной системе.	352
1.2. Универсальность территориальной юрисдикции	353
1.3. Отсутствие свободного доступа в высшую судебную инстанцию	354
1.4. Решение не подлежит дальнейшему обжалованию.	356
§ 2. Высшая судебная инстанция в России: ее историческое развитие и роль в судебной системе	364
§ 3. Состав и полномочия Верховного Суда РФ	371
3.1. Общая характеристика структурных подразделений Верховного Суда	371
3.2. Полномочия структурных подразделений Верховного Суда РФ	374

§ 4. Председатель Верховного Суда РФ и председатели судебных коллегий Верховного Суда РФ: полномочия.	389
§ 5. Аппарат и иные подразделения Верховного Суда РФ.	393
Глава 14. Конституционная юстиция.	397
§ 1. Понятие и сравнительно-правовые модели конституционного контроля.	397
§ 2. Место и роль Конституционного Суда РФ в системе государственных органов	401
§ 3. К истории учреждения конституционного контроля в Российской Федерации	404
§ 4. Законодательство о Конституционном Суде РФ	409
§ 5. Состав и порядок образования Конституционного Суда РФ	410
§ 6. Цели и задачи, функции Конституционного Суда РФ.	413
§ 7. Компетенция Конституционного Суда РФ	417
§ 8. Организация работы Конституционного Суда РФ по рассмотрению дел	427
§ 9. Правовая природа решений Конституционного Суда РФ и их исполнение	436
Глава 15. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ	440
§ 1. Юридическая природа конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и их место в судебной системе РФ.	440
§ 2. Полномочия конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.	447
§ 3. Организация конституционных (уставных) судов субъектов Федерации	452
§ 4. Порядок судопроизводства и принятие решений в конституционных (уставных) судах субъектов РФ	457
Глава 16. Статус судей и органы судейского сообщества	460
§ 1. Краткий исторический обзор законодательных положений о статусе судей.	460
§ 2. Порядок назначения судей на должность	476
§ 3. Несменяемость судей. Срок их полномочий	484
§ 4. Органы судейского сообщества	486
§ 5. Квалификационные коллегии судей: система и полномочия	493
§ 6. Аттестация судей	496
§ 7. Основания приостановления и прекращения полномочий судей. Дисциплинарная ответственность судей	499
§ 8. Присяжные заседатели и арбитражные заседатели.	504

Глава 17. Организационное обеспечение деятельности судов	511
§ 1. Судебное управление (администрирование): эволюция подходов	511
1.1. Контроль и обеспечение судебной деятельности органами юстиции (судебное управление)	513
1.2. Контроль и обеспечение судебной деятельности судебными органами (организационное руководство судами)	517
1.3. Разграничение компетенции органов юстиции и суда (организационное обеспечение деятельности судов)	518
1.4. Создание независимого органа по реализации функции организационного обеспечения деятельности судов	519
§ 2. Современные требования к организационному обеспечению деятельности судов с учетом независимости судебной власти	520
§ 3. Система организационного обеспечения деятельности судов в Российской Федерации	525
3.1. Органы судебной власти	525
3.2. Органы исполнительной власти	529
3.3. Органы законодательной власти	532
3.4. Президент РФ	532
§ 4. Судебный департамент при Верховном Суде РФ	533
§ 5. Тенденции развития организационного обеспечения деятельности судов	537
Глава 18. Министерство юстиции РФ	539
§ 1. Эволюция полномочий Министерства юстиции в России: исторический аспект	539
§ 2. Министерство юстиции РФ и подчиненные ему службы	547
§ 3. Федеральная служба судебных приставов	552
§ 4. Федеральная служба исполнения наказаний	557
Глава 19. Прокуратура и прокурорский надзор	561
§ 1. Прокуратура как орган надзора за законностью	561
§ 2. Правовые основы деятельности прокуратуры	568
§ 3. Функции прокуратуры	574
§ 4. Система и структура органов прокуратуры	581
§ 5. Служба в органах и организациях прокуратуры	594
Глава 20. Пресечение, раскрытие и расследование преступлений, охрана общественного порядка	602
§ 1. Виды правоохранительной деятельности по пресечению, раскрытию и расследованию преступлений. Охрана общественного порядка	602
§ 2. Оперативно-розыскная деятельность	604

§ 3. Расследование преступлений и органы, его осуществляющие	607
3.1. Органы дознания	607
3.2. Органы предварительного следствия	609
§ 4. Следственный комитет РФ	614
§ 5. Органы внутренних дел и деятельность по охране общественного порядка (функция полиции)	623
§ 6. Органы государственной безопасности	631
§ 7. Краткая история развития отечественных органов борьбы с преступностью	633
Глава 21. Адвокатура и юридическая помощь	639
§ 1. Конституционно-правовые основы деятельности адвокатуры	639
§ 2. Модели организации адвокатуры: сравнительно-правовые подходы	644
§ 3. Этапы развития российской адвокатуры и современные реформы	651
3.1. Предпосылки и возникновение института присяжных поверенных (адвокатуры) в ходе Судебной реформы 1864 г.	651
3.2. Поиски форм оказания юридической помощи в первые годы советской власти.	654
3.3. Рождение советской адвокатуры	655
3.4. Современные реформы.	657
§ 4. Основные принципы организации адвокатуры	658
4.1. Негосударственный характер адвокатской деятельности	658
4.2. Независимость адвокатуры	659
4.3. Корпоративность и самоуправление адвокатуры	660
4.4. Некоммерческий характер адвокатской деятельности	661
§ 5. Адвокатский корпус и статус адвоката	662
§ 6. Организация и формы адвокатской деятельности в Российской Федерации	666
§ 7. Органы самоуправления адвокатуры	669
Глава 22. Иные направления оказания юридической помощи	673
§ 1. Нотариат и его функции	673
1.1. Понятие нотариата латинского типа и его эволюция в России.	673
1.2. Нотариат на современном этапе развития нашей страны, функции нотариуса.	679
1.3. Нотариус и его статус. Органы самоуправления и контроля за нотариатом	685
§ 2. Социально ориентированная юридическая помощь нуждающимся в ней гражданам	691
§ 3. Глобальный рынок юридических услуг	696

3.1. Формирование российского рынка юридических услуг как части глобального рынка и его современное состояние	696
3.2. Виды юридических услуг, оказываемых юридическими фирмами, организация работы и карьера в юридической фирме	700
3.3. Современное состояние и перспективы развития российского рынка юридических услуг	702
Глава 23. Альтернативные способы разрешения правовых споров . .	710
§ 1. Правовые основания альтернативного разрешения споров . .	710
§ 2. Третейские суды (арбитраж)	711
§ 3. Арбитражи (третейские суды) по рассмотрению споров в международном коммерческом обороте	718
§ 4. Институт медиации в России и за рубежом: зарождение и развитие.	727
Глава 24. Международная юстиция.	736
§ 1. Предпосылки и история создания международных судебных органов. Их классификация	736
§ 2. Международные уголовные суды	742
2.1. Исторический опыт (Нюрнбергский и Токийский трибуналы).	742
2.2. Международные уголовные суды ad hoc	744
2.3. Международный уголовный суд: создание и сложности организации и деятельности	747
§ 3. Международные экономические суды	749
3.1. Сравнительно-правовой опыт: суд ЕС и его эволюция	749
3.2. Постсоветский опыт: Суд Евразийского экономического союза (ЕАЭС)	751
§ 4. Международные и европейские юрисдикционные органы защиты прав человека	753
4.1. Комитет по правам человека ООН	753
4.2. Европейский Суд по правам человека	754

Учебное издание

**СУДОУСТРОЙСТВО
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ**

Учебник

Под редакцией профессора ***Л.В. Головки***

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *Н.П. Самойлова*

Верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 05.09.2019.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 48,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «ИД «Городец»»

105082, Москва, Переведеновский переулок,

д. 17, корп. 1.

Тел. +7 (495) 640 15 21

www.gorodets.ru

e-mail: info@gorodets.ru

www.gorodets.ru

Учебник «Судоустройство и правоохранительные органы» подготовлен коллективом кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С одной стороны, он опирается на многолетний опыт преподавания кафедрой дисциплины «Правоохранительные органы» и смежных дисциплин по разработанным и утвержденным в МГУ программам высшего образования. С другой стороны, в учебнике нашли отражение принципиально новые подходы, в том числе с учетом проводимых на кафедре научных исследований.

Рекомендуется студентам, изучающим дисциплины «Правоохранительные органы», «Судоустройство», «Судоустройство и правоохранительные органы» по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, аспирантам, докторантам, преподавателям и научным сотрудникам высших учебных заведений и научных учреждений юридического профиля, а также лицам, участвующим в законотворческом процессе, работникам судебных и правоохранительных органов, адвокатам, нотариусам, иным практикующим юристам.

